

THE
BOOKER
PRIZE
2000

Trezia Azzopardo
The Hidden

BOOKER

PRIZE

ТРЕЦЦА АЗЗОПАРДИ · *Укриття*

TRIZIA

THE HIDDEN

Трецца Адзопарди

Укрытие

Scan, OCR, SpellCheck: Георгий Данилов, 2006
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131812

Адзопарди Т. Укрытие: Росмэн-Пресс; 2004
ISBN 5-353-01644-0

Оригинал: TrezzaAzzopardi, "The Hiding Place", 2000

Перевод:

Вера В. Пророкова

Аннотация

Долорес Гаучи – младшая из шести дочерей в семье мальтийских эмигрантов, перебравшихся в английский порт Кардифф в середине XX века. Спустя много лет она возвращается в родной город на похороны матери. Лирический монолог Долорес погружает читателя в зыбкий мир ощущений и переживаний маленькой девочки, хранящей в своем сердце нежность и боль за близких. Благодаря изысканному ритму повествования воспоминания главной героини о детстве выстраиваются в причудливую картину жизни мальтийской общины под серым небом Кардиффа 60-х.

Шорт-лист Букеровской премии 2000 года.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

5

Конец ознакомительного фрагмента.

87

Трецца АДЗОПАРДИ УКРЫТИЕ

Моей маме

*Спасибо Дереку Джонсу и Линде Шонеси из АП «Уатт»,
а также Мэри Маунт и Питеру Штраусу из «Пикадора».*

Особая благодарность Рите Исааке и Эндрю Маушену.

*И отдельное спасибо Джону Кемпу за песни, которые он
вспомнил; Дэвиду Хиллу за то, что он все читал и читал
эту книгу, и Стивену Фостеру за то, что оставил книгу в
покое.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ожидание

Кэрол Джексон хоть и сидит в коляске, но ее мама от нее не отходит, а вот моя стоит внизу и шепчется с надушенной женщиной в лохматой шкуре.

Я смотрю, как коляска скрывается за углом. Последними исчезают тощие ноги миссис Джексон в туфлях-лодочках, и, если я сдвинусь влево, к трещине в раме, я снова их увижу. Но я стою на месте и лижу стекло, запотевшее от моего дыхания, чтобы был виден пригорок, на котором находится букмекерская контора, и, как мне велено, жду отца.

Когда в заднюю дверь проскользнула мамина подружка Ева, я думала, она там так и останется. Но она пошла вслед за нами наверх. Встала в своей шубе из оцелота, скрестив на груди руки. А меня мама отправила к окну.

Прочти три раза «Отче наш» и, если он не появится, спустайся, сказала она¹. Ева засмеялась и подалась вперед, махнув перчаткой, которую стянула с руки еще при входе.

Мэри, думаешь, это ничего? – спросила она, постукивая каблуками по полу.

Да он когда еще вернется, ответила мама, уводя ее обрат-

¹ В переводе соблюдено авторское оформление прямой речи (прим. ред.).

но вниз подалее от матрацев и едва уловимого запаха мочи.

Папа не любит, когда приходит Ева. Он говорит, она слишком много пьет. А мама говорит, что Ева – единственная оставшаяся у нее подруга. Когда папа уходит в букмекерскую контору, они сидят внизу, разговаривают и слишком много пьют. Иногда я слышу их смех. Однажды Ева зашла в мою комнату, и я ужасно испугалась, потому что у нас в доме просто нет места для кого-нибудь еще.

Эта спальня моя, Люки, Фрэн и мамы. Мы спим здесь вчетвером, а в комнате напротив живут две мои другие сестры, Селеста и Роза. Я их почти не знаю. Они повесили на свою дверь записку. Мне известно, что там написано, хотя я и не умею читать. «Не входить! Это и ТЕБЯ касается!» Наверное, это про меня. И, кажется, они не шутят.

Мы – это Селеста, Розария, Франческа, Люка и Долорес. Я младшая, и мое имя, как имена Розы и Фрэн, сократили. Меня все зовут Дол. Это чтобы мама могла на одном дыхании позвать всех нас завтракать. Есть еще одна сестра, Марина, которая родилась после Селесты, но она уже не здесь, что вообще-то к лучшему, потому что для нее места не осталось.

Дальняя спальня папина. Ее прозвали Клетушкой, хотя никаких клеток там нет, во всяком случае, я их не видела. Клетушка всегда открыта. То ли он хочет показать, что на самом деле там не живет, то ли ему там тесно, то ли дает

нам знать, что все еще существует, доставая по ночам своим храпом. Одна я в Клетушку не хожу, но иногда стою у двери.

В нашей спальне кругом кровати. Как в приюте или больнице. Есть даже старенькая раскладушка. Она стоит без дела у дальней стены и словно ждет, что кто-то из детей ее займет. Я сплю на большой кровати с мамой и Люкой. Мы лежим в фланелевых пижамах по обе стороны от мамы. Мне никогда и в голову не приходит, что мы занимаем место отца.

У Фрэн свой узенький диванчик в углу. Это не потому, что Фрэн не хочет спать с нами, просто она все время мочится в постель. И я иногда тоже, и Люка. Определить, кто виноват, легко. Цветастый матрас весь в пятнах. Мама не понимает, почему мы, девочки трех, шести и восьми лет от роду, до сих пор писаемся по ночам, а мы не можем ей объяснить.

«Отче наш, иже еси на небесех...» Пока что я вроде прочла только два раза, и то только до «хлеба насущного», поэтому останавливаюсь и смотрю в окно. На пригорке, кажется, мелькнула его тень. Но когда я понимаю, что это всего лишь собака, мне становится смешно.

В комнате помещается еще только сундук, и он тоже в некотором смысле кровать. Мама хранит в нем старую сумочку, набитую фотографиями людей, которых я не знаю. Они то женятся, то стоят на крыльце дома, и на всю жизнь у меня в голове эти две картинки соединились в одну. Есть и другие снимки – меня и всех остальных, черно-белые, потрескавшиеся и выцветшие, слипшиеся друг с другом. Они

лежат в потертой косметичке, в той же сумочке, что живет в сундуке.

Когда я только родилась, я в этом сундуке спала. Мама мне рассказывала, как заворачивала меня в шали и прятала от отца.

Он бы тебя придушил, говорила она без злобы, но с некоторой гордостью, словно я приبلудный котенок, которого она приютила.

Я представляю себе младенца в сундуке и крадущегося в спальню папу, похожего на злодея из детской сказки. Он высоко задирает ноги в огромных кованых башмаках и ступает осторожно, чтобы его не сразу заметили. В руках зажата подушка, он сосредоточенно принюхивается.

Разве он меня не услышал бы? – спрашиваю я, и мама улыбается.

Так я же крышку закрывала, а ты лежала тихонечко, как мышка.

Доносящиеся снизу мамин смех и звяканье бутылки о стакан напоминают мне, что я в дозоре. А он уже идет размашистым шагом по улице, он уже почти у дома, и я бегу к маме и шепчу ей на ухо, что он близко. Ева хватает со стула шубку, сует в карман бутылку рома и спешит к задней двери. Поднимает засов и выходит. На улице морозно. Мама срывает почерневшую веточку петрушки, что растет в горшке у крыльца, и запихивает ее в рот.

Иди наверх, Дол, говорит она мне. Пойди, сложи картинку из кубиков. Мне нельзя путаться у отца под ногами.

* * *

Тогда мне еще не исполнилось и четырех. Дом до сих пор на месте. И теперь я стою здесь, у окна той самой нашей спальни. На подоконнике толстый слой пыли. Мама не допустила бы такого никогда.

Джексоны давно съехали, перебрались в другой район, он называется Пентуин-Фарм. Так написано на автобусе, который туда ходит. Их дом сейчас пустует. Одно окно на втором этаже зашито досками, другое зияет чернотой, и потемневший осколок стекла торчит из рамы, как сломанная кость. Похоже, камнем кинули. Остальные дома на улице заколочены одинаковыми свинцово-серыми щитами, и на них что-то нацарапано кирпичом. Я не знаю никого из тех, кто еще здесь живет. И у тротуара ни одной машины.

Я стою у своего окна. Я последняя. Всех остальных уже нет. И сестер тоже. Но я жду их, чтобы разыграть сцену возвращения.

ОДИН

На фаворита шесть к четырем, на остальных шесть к одному!

Телевизор и отец, оба на полу в гостиной, пытаются друг друга перекричать.

Ну, давай же, детка! – вопит он, стуча по колену кулаком. Зажав в зубах квиток от букмекера, отец мечется по комнате и бросается непонятными словами – Янки Пиггот, фотофиниш. Я не вижу в них смысла, по-моему, отец вообще не силен в английском.

Господи Иисусе, цедит он сквозь зубы.

Скачки заканчиваются, он сидит с пунцовым лицом, уткнувшись носом в экран, и смотрит на точки и линии так, словно ждет, что с экрана в комнату вдруг скакнет Барнес-Бой. Отец выуживает изо рта ошметки розовой бумаги, рвет в клочки квиток, швыряет на ковер. А потом набрасывается на «Спортивную жизнь», изничтожает ее. Я понимаю, что в такие моменты он запросто может изорвать в клочья и меня, поэтому тихонько заползаю под кушетку и сижу там, пока он не надевает куртку и не уходит, хлопнув дверью.

Отец так заводится не только из-за скачек. Он готов делать ставки на все, что движется. Игра в бинго и на автоматах, пари относительно снега на Рождество его не волнуют, но лошади, собаки, очко и покер – страсть всей жизни. Отец

обожает ловить удачу. Вот она, рулетка, завертелась! Красное – черное, красное – черное. Была бы возможность делать ставки и после старта, он бы все равно менял свое решение у каждого препятствия. Мама говорит, отец всегда был таким. Да и она сама, в белом платье с кружевами, поставила на него в церкви Святого Марка в ноябре 1948 года.

* * *

Вот что происходит перед самым моим рождением, в тысяча девятьсот шестидесятом. У моих родителей, Фрэнка и Мэри, пять очаровательных дочерей и половина кафе у Кардиффского порта. Второй половиной владеет старинный папин друг Сальваторе Капаноне. Красная дверь почти не закрывается – то и дело приходят сошедшие на берег моряки, чтобы перекусить и найти девушку. Наша семья живет в двух комнатах над кафе. Одна, длинная, разделена на спальню и столовую кисейной занавеской с картинками из жизни французских аристократов. Другая, совсем крохотная комнатуха без окон, называется Ямой, потому что в нее нужно спускаться по ступенькам. В Яме обитают мои сестры. Отцу пришлось загородить дверной проем калиточкой, чтобы двухлетняя Люка не лазила по ступеням, а то она вечно с них падает. И теперь, стоит маме отвернуться, Люка закидывает пухлую ножку на калиточку и падает уже оттуда.

Есть и третья комната, пролетом выше. Там только квад-

ратный стол, покрытый вытертым зеленым сукном, и четыре пластиковых стула, один на другом. Окошко в самом углу всегда плотно зашторено. Мама туда не поднимается – это не ее владения.

Кухни нет. Каждое утро мама тащится вниз, в кафе, за завтраком для моих сестер. Усевшись в ряд на кушетке, они едят и смотрят по телевизору, притулившемуся в углу, викторину «Тест Кард», а мама перебирает выстиранное белье, делает вид, что наводит порядок. Старый матросский сундук отца – единственное место, где можно что-то хранить, и он битком забит детскими одежками. Скоро их предстоит носить мне. Маме это известно, но она не торопится приводить их в порядок, потому что отец пока что ничего не знает. К тому же она убеждена, что на сей раз это уж точно мальчик, и множество платков, шапочек и вязаных пальтишек будут ни к чему, поскольку в большинстве своем они розовые.

Селеста – ей одиннадцать, но порой она ведет себя так, словно ей под сорок, – помогает собирать Марину и Розу в школу. В песочного цвета вязаных шлемах сестры похожи на две репки, и Селеста не хочет показываться на людях с ними вместе. Сама-то Селеста носит соломенную шляпку с шоколадно-коричневой лентой, купленную ей для посещения школы при монастыре Пресвятой Богородицы. Ее уроки начнутся со следующей четверти, и к тому времени шляпка будет выглядеть довольно потрепанной. Но пока что она с ней не расстанется, чуть ли не спит в ней. Фрэн только-только

пошла в школу. Она рисует сердитые картинки с бушующими пожарами, причем рисует сразу тремя карандашами. Мама не обращает на это внимания: ей хватает забот с Люкой, да и я на подходе.

Когда старшие дети уходят, мама пристраивает Люку на бедро и спускается в кафе. Она отпирает парадную дверь, снимает толстую цепочку, которая глухо стучается о дерево, и идет по узкому проходу между столиками. В самом углу, куда солнечный свет не добирается, две кабинки и длинная стойка. У ее латунного изгиба притулились давно не мытая стопка и полупустая бутылка голландского «Адвокаата». Запах здесь сладковатый. К граммофону в углу прислонена пластинка Пегги Ли без конверта – Сальваторе, видно, не спалось.

Мама сажает Люку в высокий стульчик, и та, оказавшись одна, без тепла материнского тела, начинает вопить. И не умолкает, пока не получит намазанного чем-нибудь липким хлеба или пока отец не вернется с рынка и не возьмет ее на руки. Люка не понимает, почему ей не разрешают побегать. Раньше, когда мама уходила за Фрэн или прочесывать букмекерские конторы в поисках отца, Сальваторе ее выпускал.

Фрэнки с Сальваторе – странная парочка. Отец – стройный и подтянутый, ладно скроенный мужчина в ладно скроенном костюме. А его партнер – большой и мягкий, с пухлыми белыми руками и сияющими глазами. Каждое утро Сальваторе кладет в карман фартука чистый платок – утирать

слезы, которые донимают его целый день. Он винит во всем кухонный жар, а не бездетную жену и не жалостливое пение Марио Ланца. Когда Сальваторе готовит, музыка не смолкает. Дино и Самми, бесконечный Синатра и обожаемый Луис Прим, напоминающий ему о теперь уже дальних землях. Пластинки стоят на сушке у стойки, а тарелки засунуты под стойку. Сальваторе проводит под музыку дни и ночи, он вычищает от муки пластинку Джулии Лондон своим платком. А потом им же промокает глаза.

В кафе существует негласное разделение труда. Сальваторе – хороший повар, а для Фрэнки кухонный жар страшнее адского пламени. Так что пока Сальваторе режет себе пальцы, обжигает о раскаленную плиту локти, поет и плачет, Фрэнки надевает костюм и занимается наверху денежными вопросами. Но Сальваторе это устраивает, ему нравится общаться с людьми.

* * *

В надежде привлечь посетителей, Сальваторе поначалу делал рагу, пек хлеб и миндальные пирожные. Он держал красную дверь нараспашку, подпирая ее высоким табуретом, и гнал кухонным полотенцем ароматы свежей выпечки на улицу. Он аккуратными буквами написал «Отменная еда» и укрепил вывеску снаружи над входом. Но соседа-парикмахера раздражала слишком громкая музыка, картонная реклама

быстро размокла от дождя, а табурет был водружен обратно на свое место в баре. На непроданной еде жирели уличные голуби.

Да не бери в голову, сказала мама. Для всего требуется время.

А теперь он готовит для моряков, которым нужна яичница, жареная картошка и бекон с белой булкой. И в кафе полно народу. Моряки приводят девушек, а уж те привлекают посетителей. Сальваторе все жарит на огромной черной сковороде. Жидкие волосы липнут к взмокшему лбу, а зачесанные прядки в течение дня повисают клоками над левым ухом. Он строит из себя вдовца, чтобы «ночные бабочки» почаще его жалели. На самом деле он женат на Карлотте, а она женщина порядочная и даже и не думает появляться в «Порте захода» – так называется наше кафе. Оно же – «Приют греха», как прозвала его Карлотта.

Сальваторе любит их всех – и маму, и отца, и моих сестер. Он стал членом нашей семьи. И меня, когда я появлюсь на свет, тоже полюбит. А пока что ему приходится довольствоваться Люкой, которая, стоит маме отвернуться, начинает призывно визжать со своего стульчика. Сальваторе наблюдает издали, как Люка тянет кверху ладошки: умоляет, чтобы ее взяли на руки. Он бы ее освободил, да не осмеливается. Как-то он выпустил Люку, она потекла быстрым ручейком к двери и стукнулась головой о край стола. Сестра

установилась на обидчика в немом изумлении, а на лбу вспухла огромная шишка. Два следующих дня она молчала, мама даже испугалась, не повредила ли она чего, потому что Люка никогда не вела себя так тихо.

Теперь, когда маме надо уйти, она сажает Люку в Яму и дает ей мягкие игрушки, чтобы та поиграла хоть пять минут: за это время мама рассчитывает управиться. Люка запускает медвежат и зайчиков в стену и воет сиреной.

Мама, когда ищет отца, становится очень грубой. Ей уже не до приличий.

Фрэнки видели? А Лена Букмекера? В «Бьюте» сидят? Понятненько.

Она находит мужа или у игровых автоматов, или в кофейне, или в задней комнатухе паба. И тогда уже не скупится на выражения. Отец пытается ее урезонить.

Мэри, это же мой бизнес. Не суйся, а? Остальные мужчины опускают глаза и прячут усмешку. А когда отец возвращается, мама показывает ему вспухший лоб Люки.

Это все на твоей совести, ясно тебе?

Фрэнки то ли стыдно, то ли надоело проигрывать, но он решает начать новую жизнь. Отец прекращает играть, с этим покончено раз и навсегда. Однако мама вынуждена рассказать ему обо мне, ведь на седьмом месяце такое скрывать довольно трудно. Фрэнки берет деньги, скопленные за то время, что он перестал играть, и открывает в комнате над кафе карточную школу. Он выигрывает и выигрывает. И я станов-

люсь воплощением удачи.

Мы назовем его Фортуно, говорит он, поглаживая мамин живот так нежно, словно она вынашивает золотое яичко. У мамы на этот счет свои соображения.

Все четыре стула в комнате наверху заняты. Воняет сигарным дымом, луком и яичницей. Отец поставил на кон все. Когда я уже воплю в родилке, Фрэнки решается на ва-банк. Мама снова и снова твердит в муках одну единственную молитву.

Господи, пусть это будет мальчик.

Вытащив меня, акушерка решается скрыть правду. Меня отправляют на весы, быстренько заворачивают в одеяло и выносят. Дверь в палату закрывают.

Если спросит, скажите, что мальчик, велит акушерка сестре.

Жена Сальваторе Карлотта сидит в коридоре, водрузив огромную черную сумку на свой безбрежный живот, и ждет. Поймав только обрывок фразы – «скажите, что мальчик», – она тут же звонит в кафе.

Сальваторе стоит наверху, в дверном проеме, и наблюдает за игрой через бисерную занавесь. Бисерины струятся по его плечам, как Богородицины слезы. Телефона он не слышит, поскольку весь сосредоточен на игре, в которой ему участвовать не позволено. Его взгляд устремлен на бриллиантовый нимб вокруг отцовской головы. Правая рука Сальва-

торе замерла у сердца, в левой зажата лопаточка, и с нее на красный линолеум медленно падают капли. Он должен быть внизу, готовить тощим «ночным бабочкам» что-нибудь жирное, но Сальваторе не может и думать об яичнице с беконом, когда на кон поставлено дело его жизни.

Сальваторе нравится его партнер Фрэнки, хоть тот ленив, не очень-то надежен и просто обожает «ночных бабочек». Юные дивы пристраиваются на высоких табуретах у стойки, их головки с пышным начесом покачиваются в такт льющейся из патефона музыки. Налаченные до блеска, они пахнут чистотой и свежестью. Те, кто постарше, улыбаются, то и дело какая-нибудь из них вскидывает руку, демонстрируя новенький бриллиант. Или же сидят молча. Водят, растягивая последнюю порцию рома, влажным пальчиком по краешку стакана.

Рита, София, Джина. Сальваторе повторяет нараспев имена девушек. На самом деле их зовут Айрин, Лиззи и Пэт. Они собираются вокруг зеленых металлических пепельниц, нажимают унизанными кольцами ручками на кнопки и смотрят, как окурки плавно ссыпаются внутрь, в спрятанный внизу поддон. Когда они уходят, блестящие виниловые сиденья еще некоторое время хранят отпечатки их усталых бедер. Они никогда не говорят спасибо и никогда не оборачиваются у двери. Сальваторе им прощает все. Он вытирает о фартук руки и поет всю ночь напролет, а Фрэнки у него над головой

продолжает играть.

Сегодня вечером Сальваторе хочет смотреть. За столом собрались отец, великан Мартино, Илья Поляк и коварный Джо Медора. Мужчины заняты.

Сал... телефон... говорит Джо, не подымая головы.

Сальваторе нехотя скатывается по лестнице.

На Джо Медоре широкополая фетровая шляпа, дорогой костюм и шелковый шарф. Он похож на закоренелого негодя и старается вести себя соответственно, закатывая сигару в угол безгубого рта и смотря куда-то поверх своих карт. Джо видел все фильмы; каждый жест просчитан. Он терпеливо ждет.

Ход отца. Валет червей, пятерка трэф, четверка – отец сморгнул – бубен.

Мальчик! кричит Сальваторе, взлетая по лестнице. *Бамбино*, Фрэнки!

И отец, которого друзья зовут Фрэнки Бамбина, бедняга Фрэнк, у которого столько дочерей, на радостях блефует и проигрывает Джо Медоре кафе, спрятанную под половицей обувную коробку с большими деньгами, рубиновое кольцо своего отца и белое кружевное платье мамы.

Зато теперь у меня есть сын, думает он, кидая кольцо на вытертое зеленое сукно.

Отец с застывшей на лице улыбкой стоит над моей колыбелькой, сжимая правый кулак и потирая левой рукой выпуклость кармана. Его терзают и потеря семейной реликвии, и нелепость проигрыша.

Далеко в конце палаты открывается дверь, и в проеме появляется лицо Сальваторе. Тут же рядом возникает и лицо Карлотты. Несколько мгновений они обшаривают глазами бесконечные ряды кроватей и колыбелек. Мэри! Фрэнки! – кричит Карлотта и бросается к моим родителям. Сальваторе машет им рукой, но сначала здоровается с другими матерями.

Чудесный ребенок, миссис!

Прелесть какая! Это мальчик или девочка?

Близнецы? Как вам повезло!

Сальваторе мало всех детей в палате, да ему не хватит и всех детей мира. Почтительно сложив руки за спиной, он склоняется над каждым, сияя улыбкой.

Карлотта растекается на стуле рядом с кроватью мамы и роется в сумке. Она ведет светскую беседу, не осмеливаясь упоминать ни обо мне, ни о кафе, ни о будущем. Отец ковыряет в зубах обломком спички, который он обнаружил в кармане брюк, шумно втягивает воздух и не говорит ничего. На меня никто не смотрит. Наконец к изножью маминой

кровати приближается Сальваторе и широко раскрывает руки, чтобы обнять отца. Мужчины прижимаются друг к другу и сдавленно покрхтывают. Карлотта извлекает из сумки помятую красную коробочку, поднимает крышку и угощает маму шоколадными конфетами.

Мэри, съешь хоть одну. Это же твои любимые.

Мэри отрешенно молчит. Опять девочка, еще одна девочка. Она мысленно пытается подобрать мне имя. Список имен мальчиков, которых ей не суждено произвести на свет, исчерпан, а певучие девичьи имена надоели – хватит и тех, что есть. Из унылого марева всплывает имя Долорес.

Сальваторе кладет ладонь на мамину руку и заглядывает в мою колыбель. Розовая кофточка туго застегнута у горла; от нее несет нафталином. От лучшего костюма Сальваторе (который он обычно надевает на похороны) пахнет точно так же. Он нежно целует меня в лоб и берет на руки, чтобы рассмотреть получше.

Ты только погляди, Мэри, какая красавица, пытается утешить он маму.

Мама лежит, уставившись на облупленную батарею, и желает только одного – чтобы все мы оставили ее в покое. Фрэнки тоже надоели охи и ахи. Он упирается ладонью в грудь Сальваторе и подталкивает его к выходу с такой силой, что Сальваторе чувствует, как пуговицы рубашки впиваются в тело.

У Мэри шок, говорит им отец. Ей лучше побыть одной.

Это ничто по сравнению с тем потрясением, что поджигает ее в скором времени, когда она узнает, что осталась без крыши над головой, а в ее свадебном платье теперь щеголяет ослепительная блондинка из Лланелли.

* * *

Когда мне исполняется неделя от роду, все меняется. Родители переезжают в старый покосившийся дом в конце грязной извилистой улочки. В другом ее конце тупик – высокая стена с колючей проволокой. Нашим новым домом и старым кафе владеет Джо Медора. Арендная плата меняется по любому его капризу: когда Джо ставит и проигрывает, она взлетает вверх. Но может подняться и когда ему фартит.

Отца помешают в Клетушку – это его камера. Селеста, Марина и Роза занимают дальнюю спальню. Роза сидит у окна, выходящего на дорогу, и плюет на головы прохожих, Марина скачет на кровати и рвет обои, а Селеста, заткнув уши, читает «Справочник распространенных болезней» и уверяет себя в том, что умирает.

Передняя спальня становится Нашей Комнатой – маминной, Фрэн, Люки и моей. У Фрэн кровать в углу, а Люка обладает исключительными правами на маму. Маме же придется поместить меня в сундук. Убедившись в том, что я в состоянии пережить ночь, она позволяет мне спать в кровати.

В эти трудные времена на помощь призывается Карлотта—якобы для присмотра за детьми. На самом деле она здесь для того, чтобы контролировать маму: та должна быть Хорошей Женой, которая не бросит в тяжкую минуту мужа и не убежит, скажем, с угольщиком. Это оказалось в каком-то смысле предвидением. Однако все случится иначе, не так, как представляет себе Карлотта.

Сальваторе пока что по-прежнему работает в кафе, которое стало теперь клубом «Лунный свет», о чем извещает нервно мигающая неоновая вывеска, а друга своего Фрэнки он предоставляет самому себе. Но о нас он думает, беспокоится обо мне и каждый вечер спрашивает у Карлотты отчета.

Набирается силенок, говорит Карлотта и жестом бывалого рыболова разводит руки в стороны, показывая, как я выросла.

Но Сальваторе это не вполне убеждает, и раз в неделю он посылает с Карлоттой еду, украденную им в свою смену из «Лунного света». Сальваторе чувствует себя обязанным: ведь как-никак он остался в деле партнером. Правда, имея дело с Джо Медорой, он ощущает себя скорее рабом.

Пока мама лежит в постели, уставившись в потолок, Карлотта в крохотной кухоньке парит и варит. Она делает макаронные запеканки с подгоревшими краями, печет тяжелые буханки домашнего хлеба. Вся еестряпня острая и жесткая. Даже не верится, что это дело рук пухлой женщины с ти-

хим напевным голосом. Мама мало о чем думает, но слушать слушает. Из кухни доносится рыхлый кашель. Мама представляет, как Карлотта погружает в кастрюлю свои щупальца, проверяя, достаточно ли солон окорок.

Все это происходит незадолго до того, как я обгорела.

два

Силу тяжести они отрицают.

Царь Иудеи, Навуходоносор, вышел на угол купить папиросы...

Руки Селесты выписывают в воздухе узоры: теннисные мячики взмывают с ладоней, летят, ударяются о кирпичную стену; рука—кирпич, рука—кирпич. Она сосредоточена. Если бы Селеста отвела глаза от сплетаемого ей кружева, то увидела бы, что Роза зависла на турнике. Ее старенькие туфли уперлись в стену, толстые ноги широко расставлены, черные волосы, будто пучок морских водорослей, свисают из-под юбки. Маринин взгляд перескакивает от Розы к Селесте и обратно, ловя каждое движение. Она пока что не пробует ни того, ни другого: сначала ей нужно все изучить.

Сквозь шерстяную шотландку юбки Роза видит мир вверх ногами. С неба спускаются дома, по серому облаку мостовой беспечно трусит собачонка.

Посмотри на меня, Селеста! Ну, посмотри!

Селеста вертится, хлопает в ладоши, ловит мячи, которые застывают в воздухе ровно настолько, чтобы она успела крутануться влево. На Розу и ее раскрасневшееся лицо Селеста внимания не обращает.

Роза спрыгивает на землю, косится на вмятины на ладонях, плюет на руки и вытирает их об юбку. Она пробирается вдоль стены, чувствуя телом каждый удар мяча о кирпич, и замирает на целую минуту, напряженно выжидая. Потом внезапно ловит мяч в полете, нарушая тем самым ритм ладонь – воздух – стена. Мяч летит в канаву. Селеста не теряет самообладания. Она поднимает мячик и снова принимается играть.

Ты за-ра-за и за-ну-да, говорит она в такт ударам.

О Люке они и не вспоминают: она привязана вожжами к коляске. Вожжи синие, а спереди забавный барашек, замусоленный Люкиными слюнями. По обеим сторонам коляски металлические крючки, вдетые в ржавые кольца. Люка цепляется за них и вопит что было мочи, размазывая по лицу слезы. Следить за ней велено Фрэн, но та решила прошвырнуться. В кармане у нее коробок «Слава Англии», а в нем три спички с розовыми головками. Фрэн идет к Площади.

Мы живем в доме номер два по Ходжес-роу. Между домами девять и одиннадцать – проулок, ведущий к жалкому кусочку асфальта, носящему имя Лауден-плейс, но все его называют Площадью. Фрэн частенько туда ходит, пробирает-

ся проулком до открытого пространства. Лауден-плейс – пустой прямоугольник. Раньше там были и качели, и доска-качалка, теперь же осталась только железная лесенка и клочок вытоптанной травы. Фрэн исследует местность. Это куда лучше, чем утирать сопливый нос Люки, лучше, чем сидеть на бордюре и смотреть, как Селеста выделяет свои немислимые пируэты, лучше, чем ждать, когда Роза найдет повод ее стукнуть.

А здесь полно сокровищ, по самому краю, где кончается пожухлая трава и начинается гравий. Фрэн пристально разглядывает землю, осторожно обходя собачье дерьмо, разбитые бутылки, мотки ржавой проволоки, трепещущий на ветру бумажный мусор. На асфальте блестят осколки стекла – зеленые, коричнево-бурые, прозрачные, как ледышки. Она выбирает самые лучшие и аккуратно складывает их в карман школьного сарафана. Сегодня у Фрэн есть спички. Она зажигает одну и подносит к лицу. В нос ударяет запах горящего фосфора. Присев на корточки, Фрэн чиркает другой. Фрэн обожает этот сладковатый запах. Она лижет наждачный бок коробка, ловит вкус убежавшего пламени.

У себя под кроватью Фрэн хранит красную продолговатую коробку. Раньше там были шоколадные конфеты, и если ее приоткрыть, то запахнет Рождеством. Теперь в пластмассовых формочках лежат ее драгоценности с Площади: зазубренные обломки сапфира, тусклые куски изумруда и единственный стеклянный шарик с бирюзовым глазком. В

ознаменование моего появления на свет она завела еще одну тайную коллекцию в коробке из-под сигар, которую ей отдал отец. На сей раз это не стекляшки, а окурки. Фрэн собирает их на тротуаре у дома, когда никто не видит. С фильтром и без, из серой папиросной бумаги и белоснежные ментоловые. Одни раздавлены всмятку каблуком, другие идеально ровные, с ободком губной помады по краю. Прежде чем спрятать свои сокровища, Фрэн с нежностью обнюхивает каждое из них.

Я в доме, вместе с мамой, мне всего месяц, я слабенькая, меня надо держать в тепле. Мама приносит из спальни сундук и кладет меня в него, укутывает в пропахшие нафталином одеяла. Потом притаскивает из сарая в кухню ведро с углем, подталкивает его коленом к очагу и останавливается перевести дух. Мама склоняется к каминной решетке, ворошит обгорелые чурки. Бог знает, когда здесь разводили огонь: пепел на поленьях в каких-то волосах и хлопьях пыли. Аккуратно скручивая жгутики из газеты, она думает: сегодня должен прийти за квартплатой человек от Джо, щепки для растопки отсырели, наверняка дымоход давно не чистили. Сундук, когда она тянет его на себя, к очагу, оставляет на плитке царапины. Два тонких шрама, прямые, как трамвайные рельсы, останутся навсегда, напоминая о том, что она сделала. Мама ставит сундук под углом к огню: языки пламени будут меня развлекать.

Она поворачивается к столу, режет буханку и напевает высоким пронзительным голосом:

Пойми, глупышка, ты не победишь,
Открой глаза, за ум возьмись.

А наверху отец, снимая галстук с перекладины в шкафу и глядя на свое отражение в зеркале, тоже напевает, вернее, насвистывает. Выглядит он Счастливым. Сегодня Фрэнки выбрал черный галстук с золотой отстрочкой. Он перебирает пальцами гладкую прохладную ткань, протискивает голову в петлю, затягивает на шее узел и отворачивает тугой воротник белой рубашки. Задерживается у зеркала, шире открывает дверь, чтобы разглядеть себя получше. Не зеркало, а сущая досада – в пятнах, с рыжими разводами. Даже с близкого расстояния ничего толком не видно. Фрэнки слышит, как мама кричит с порога:

Селеста! Дети! Обедать!

Отец надевает пиджак, вытягивает сначала левую руку, потом правую – заворачивает на обшлага манжеты. Пара золотых запонок с вычеканенным на них восходящим солнцем – единственная оставшаяся у него драгоценность. Он берет их с туалетного столика, секунду держит на ладони и кладет обратно. Настолько уж удачливым он себя не ощущает. Снимает с набалдашника спинки кровати шляпу, тихонько спускается по лестнице, маме в глаза старается не глядеть. Идет к зеркалу в гостиной, а она снует между детьми.

Сколько раз тебе говорить, руки вымой! Фрэнки, ты се-

годня увидишь Карлотту? А ну, положи на место! Ешь давай. Фрэнки! Фрэнки, повторяет одними губами отец, шагнув к зеркалу. Фрэнки, повторяет он, поправляя тугой узел галстука.

Ты меня слышишь? – кричит мама.

Он уходит, говорит Селеста, широко шагая через кухню к двери в гостиную, и смотрит на отца в упор. У них одинаковый, твердый как сталь взгляд черных глаз, одинаково упрямые квадратные подбородки. Селеста держит поднос с сэндвичами высоко над головой, чтобы ни Роза, ни Марина не дотянулись. Отец, заметив ее в зеркале, заговорщицки усмехается – ей одной. Она усмехается в ответ и возвращается в кухню.

Сначала руки вымойте, орет Селеста, отвечивая подзатыльники Розе и Марине, которые пытаются ухватить по куску. И опять: Мам, скажи, чтобы они руки вымыли.

Чтобы руки вымыли, машинально повторяет мама. В кухне становится слишком жарко – и огонь горит, и от мамы так и веет дурным настроением. Она распахивает заднюю дверь, приставляет к ней стул, и в дом врывается поток свежего ветра. Пламя в очаге пляшет на сквозняке. Наверху громко хлопает дверь.

Мама насыпает в плошку что-то серое для Люки, льет молоко, размешивает. Ее злость стекает по ложке прямо в Люкину еду. Меня кормят грудью – я злость получаю из другого источника. Мама сердится и на себя: ей необходимо, чтобы

пришла Карлотта с очередной посылкой от Сальваторе, где будет кукурузный пирог с мясом или, может, кусочек жареной курицы. Она швыряет слова в любого, кто их поймает.

Вот уж не думала, что когда-нибудь захочу снова увидеть эту жирную харю, говорит она про Карлотту и усаживает Люку в ее стульчик. Селеста смеется – она считает, что так про собственного ребенка говорить нельзя, даже если это правда.

А где Фрэн? – спрашивает, спохватившись, мама.

Отец перемещается от зеркала к буфету и, затаив дыхание, выдвигает ящик. Он не сводит глаз с дверного проема, следит за тенями на стене кухни, а рука шарит внутри: счета, расписки, вязание. Все обещания позабыты, Фрэнки думает только о Скачках. Пальцы нащупывают кончики спиц, добираются до прохладной поверхности Жестянки из-под печенья. Рука скользит под крышку, и... вот они, жирные на ощупь банкноты. Фрэнки мусолит края – немного, но все-таки, – быстро вытаскивает их и засовывает в карман. Каких-то пять секунд – и все в порядке. Облизнув губы горячим языком, он задвигает ящик и снова принимается насвистывать.

Фрэнки, ты меня слышишь? Ты Карлотту увидишь?

В дверях появляется мама, стоит, размахивая ложкой.

А куда это, собственно, ты собрался?

Она заметила и лучший костюм, и шляпу.

Фрэнк!

В голосе укор.

Пойду прогуляюсь, отвечает он.

* * *

На Бьют-стрит одиннадцать кафе, и ни одно из них отцу не принадлежит. Больше не принадлежит – с момента моего рождения. Родители спорят, чья в этом вина. Она обвиняет его, он меня, а я пока что никого обвинять не могу. Но дайте срок, и все счета я предъявлю Джо Медоре.

Только вот Джо Медоре много чего принадлежит. Почти все в округе: на одной улице – два типовых дома-близнеца; разумеется, наш дом; а еще – четыре кафе на Бьют-стрит, из которых последнее приобретение – «Лунный свет».

Мимо него мама вынуждена ходить каждый день. Она нашла себе работу в пекарне рядом со складом пиломатериалов. Это даже не пекарня, а скорее фабрика, где делают сотнями пухлые белые булки. Мама вытаскивает их из печи лопаткой на длинной металлической ручке. У нее всегда ночная смена. Всякий раз, отправляясь в пекарню или возвращаясь на рассвете домой, она хочешь не хочешь проходит мимо «Лунного света», видит светящиеся огни, людей в зале. Бывает, вдруг пахнет горячей выпечкой, и тогда маме до смерти хочется миндального пирожного Сальваторе. До нее доносится и музыка – одинокий голос на излете ночи, но чаще всего она слышит звон монет, перекатывающихся в кармане Джо Медоры. Проходя мимо окон, она бормочет себе

под нос проклятья.

Отец идет сейчас той же дорогой, сворачивает с улицы в проулок, к Площади. Сквозь дыру в заборе Фрэн узнает его силуэт, склоненную набок голову, подставленную под солнце, и прячется. Поначалу Фрэн решает, что он пришел отвести ее домой на обед, но тут же замечает, что сегодня он какой-то другой. В черных волосах серебрится седина, он хлопывает по колену шляпой, зажатой в руке, и заливисто свистит. Она наблюдает за ним, словно это кто-то посторонний, так, случайный прохожий. Фрэн пригибается, пробирается по грязи вдоль забора и укрывается за кустом.

Отец не видит Фрэн. Взгляд его устремлен вдаль. Он представляет изящный круп и сильные ноги лошади. Вот на кого я поставлю. Один-единственный разок, и все. Придворный Шут. Два к тридцати.

Фрэнки идет мимо кафе на Бьют-стрит, то и дело кивая знакомым или вскидывая в приветствии руку со шляпой. Это Тропа Фрэнки. Большинство ресторанов и кафе здесь владеют его друзья-приятели – моряки с грузовых кораблей, которые решили отдохнуть от моря, да так здесь и застряли. Отец тоже здесь застрял, на время. Однако, в отличие от других мальтийцев, в городе жить не стал – не может он без соленого запаха порта. И когда говорит о своем корабле, который еще придет, имеет в виду настоящую удачу, выигрыш сто к одному, верняк. С замиранием сердца он предвкушает тот день, когда сможет исчезнуть отсюда раз и навсегда,

прихватив с собой мешок денег.

Но сегодня еще не тот день. Сегодня – день, когда я обгорела.

* * *

Она была абсолютно уверена. На сто процентов. Но деньги пропали. Мама вытаскивает ящик, он падает из рук на пол, оттуда вываливаются какие-то бумаги, журналы, медный колокольчик, сломанная рамка, заброшенное вязание – что-то небесно-голубое. Встав на колени, она роется в счетах, а рядом стоит открытая Жестянка. Может, она их еще куда положила? Мама окидывает взглядом комнату: на каминной полке две фотографии в рамочках, черный отцовский гребень, а посередине – гипсовый фавн с ехидной ухмылкой. И рядом – оранжевая книжка квартирных квитанций, тощая и пустая.

Селеста, кричит она, судорожно шаря по полу, ты в буфет не лазила?

Селеста стоит с Люкой на руках над мамой, и лицо у нее испуганное. Она сажает Люку в кресло, опускается на корточки.

Нет. Это он. Опять.

Будто мама сама не знает. Селеста встает, вставляет в буфет пустой ящик, собирает бумаги, кладет их на место.

За ум возьмись... запевает неожиданно мама и горько

смеется. Это пугает Селесту еще больше.

Мам, что же делать-то?

Мама отвечает не сразу. Она прислушивается, не стучат ли в дверь.

Ума не приложу, сообщает она потолку. Просто ума не приложу.

И Селесте:

Уведи детей, Сел. Нечего им здесь под ногами путаться.

Селеста снимает со спинки стула пальтишко Люки, опускается на колени, засовывает одну ручку в рукав, потом другую.

Пошли, говорит она Розе и Марине. Идем, поищем Фрэн.

Мама отодвигает стул от двери, садится. Мы обе глядим на оранжевые языки пламени. Она рассматривает раковину, квадратный стол, усыпанный хлебными крошками, газовую плиту. Духовка притягивает к себе: вот бы засунуть туда голову. Но вместо этого мама роняет голову на колени. Болит нога – она стукнулась о буфетный ящик, вывалившийся из рук. Ее глаза следят за расплывающимся по икре синяком.

* * *

Фрэнки проходит «Ресто» Домино, «Топ-кафе» Тони, Дом Моряка. Идет мимо парикмахерской, над которой положится на ветру красно-белый тент. За ней – «Лунный свет»,

справа от входа – новая неоновая вывеска. Здесь пахнет свежей краской, а на красной двери теперь выведен силуэт женщины в обтягивающем платье и на высоченных каблуках. Фрэнки не сбивается с шага, не поворачивает головы: он глядит строго вперед, на глянцевый квадрат тени под мостом. Как раз есть время выпить перед встречей с Леном Букмером стаканчик газировки.

* * *

Мои сестры отправляются на поиски Фрэн. Солнце исчезло, его согнал с неба резкий ветер, и на его месте теперь жирная туча. Она проплывает над стеной в конце улицы, и остатки голубого неба заволакивает серым. Роза, которая тащится позади коляски, Селесты, Марины, несет в согнутой руке два Селестиных теннисных мячика. На углу она останавливается, смотрит вслед сестрам, свернувшим в проулок, и, выждав, кидается к стене дома номер девять.

Роза со всей силы швыряет сначала один мячик, потом другой: первый поймала, а второй не успела. Ударившись о кирпич, он бьется о дверь дома номер четыре и, отскочив, летит прямо в окно дома номер один. Там живут Джексоны. Мячик бесшумно катится по мостовой и бухается в сточную канаву. Роза стоит и ждет, зажав оставшийся мячик в кулаке. Ноги ее готовы бежать. И она бежит.

* * *

Лен Букмекер сидит в кафе спиной к окну: беспокоиться нечего, его никто не увидит, поскольку полгода назад окно разбили. Хозяин заколотил его куском фанеры. На стороне, обращенной к улице, он написал:

БАР Мики

Работаем допоздна.

Чай, кофе, прохладительные напитки

Прохладительный напиток Лена – если кто спросит – лимонад с газировкой. Мики добавил туда наперсток некоей жидкости, которая может сойти за виски. На столе перед Леном высокий стакан с бледно-желтой отравой, в котором медленно оседает ядовитая пена. Он отодвигается в сторону – подальше от сквозняка, пробирающегося через неплотно прибитую фанеру. За спиной начинают дробно, как копыта, стучать капли дождя. Он лезет во внутренний карман за блокнотом.

Лен человек неприметный. Маленький, тоненький, как газетный лист, на гладком коричневом черепе жалкие остатки волос. Он кладет блокнот на колени: каждая страничка аккуратно расчерчена; карандаш уверенно выводит ряды мелких цифр. Он пишет и левой рукой почесывает бородавки на

щеке. На ней осталось только два пальца – средний и указательный. Удалось еще спасти большой. Некогда он и сам был игроком, но теперь нашел более безопасное занятие.

Никогда не играй против Синдиката, дружок, – это единственный совет Лена, который обычно сопровождается взмахом искаленной руки.

Дверь кафе распахивается и тут же захлопывается.

Ленни, здорово! говорит отец и, поддернув штанины, усаживается рядом.

Фрэнки! Давненько не видались, отвечает Лен.

* * *

Мама стоит на крыльце, в руках у нее Жестянка без крышки – как будто распахнувшаяся в вопле рот. Сегодня квартплату собирает Мартино. Мэри показывает ему, что на этой неделе ей платить нечем. Они оба разглядывают блестящее дно; Мартино, словно извиняясь, опустил густые ресницы, мамино отражение в неровном жестяном зеркале – злое и холодное. Мама желает Фрэнки смерти. Там лежали не только деньги за квартиру – было отложено и на счета, и на хозяйство. Это и взятое в долг, и ее зарплата – всё.

Мартино протягивает свои большие мягкие руки и хочет забрать коробку, но мама швыряет Жестянку, и она, ударившись, несколько мгновений барабанит по мостовой.

Пойдем в дом, Мэри, говорит он. Мы с ним поговорим.

Может, он согласится подождать недельку, а?

А что ему еще остается? Пойди и скажи ему. Пусть потерпит.

С черного хода в распахнутую дверь врывается ветер, кружит по кухне. Одного дуновения достаточно, чтобы из очага выкатился уголек. Он падает на край половичка, и тот занимается: появляется струйка дыма, взмывается язычок пламени, разгорается синим. Огонь колеблется на сквозняке, переливается, как глазок в стеклянном шарике Фрэн.

Тот же ветер добирается до гостиной, проскальзывает мимо мамы на крыльцо и захлопывает за ней дверь. Мама пятится и с удивлением обнаруживает ее за спиной. Чтобы удержать равновесие, мама складывает на груди руки.

Я остаюсь одна и смотрю. Голубое пламя то гаснет, то разгорается, то гаснет, то разгорается, бежит по кромке половика, зажигая прядь за прядью. Яркий оранжевый клубок растет и ширится, жметя к полированному боку сундука. Это так красиво.

Мартино нагибается подобрать Жестянку, и над его склоненной спиной мама видит в окне напротив Элис Джексон. Та стучит по раме и показывает на маму пальцем. Хочу с вами поговорить, произносит она через стекло.

Мэри, произносит Мартино умоляюще, мы же друзья.

Никакие мы не друзья и быть ими не можем. Ты теперь

прихвостень Джо.

Дверь дома номер один распахивается, Элис Джексон выходит на улицу, достает из сточной канавы теннисный мячик. Элис с мрачным видом направляется к маме. Мама не желает ее замечать, отворачивается. Она зажата теперь между Мартино и этой женщиной, которую знать не знает. И, забыв, совсем забыв про меня, она устремляется впереди Мартино по улице. Тот идет сгорбившись – хочет казаться меньше ростом. Он будто сгибается под ветром.

Деньги забрал Фрэнки, Тино, говорит она. Слова падают за ее спину и теряются. Что мне теперь делать?

Мэри знает, что она *могла бы* сделать. Она могла бы сама пойти к Джо, могла бы умолять его. Но мысль о нем жалит душу, как рой ос. Есть и другой выход.

Элис Джексон стоит, сложив на груди руки, перед нашей дверью. Она прижимает к телу теннисный мячик и смотрит, как мама, раскинув руки, мчится по улице, затем сворачивает в проулок, а за ней семенит огромный мужчина. Элис Джексон улавливает запах гари. Поворачивает голову, прихвостень.

* * *

Фрэнки сидит в «Лунном свете», облокотившись о стойку бара, и помешивает кофе длинной металлической ложкой с

таким видом, словно отсюда и не уходил. Сальваторе слышит его слова, но смотреть на отца у него нет сил. Он усердно скребет тупым ножом плиту, от которой отскакивают обуглившиеся кусочки сыра. Сальваторе молча дожидается, когда отец закончит свой печальный монолог, и выпрямляется.

Ну ладно, ты поставил на лошадь и проиграл. Что же дальше? Ты идешь домой? Не-ет! Фрэнк у нас такой чувствительный. Фрэнки домой не хочет. Фрэнки только выигрывать хочет, так ведь, а?

Сальваторе говорит и продолжает скрести, сбрызгивает плиту мыльной водой, истово возит ножом по эмали. К волоскам на запястье прилепились радужные пузырьки. Он останавливается, показывает ножом в потолок:

Джо Медора тебя видеть не желает – и я тебя видеть не желаю,

а потом машет ножом перед лицом Фрэнки.

Убирайся отсюда куда подальше.

Потому что отец пришел попрошайничать. Клянчить у Сальваторе денег взаймы, у Джо клянчить отсрочки платы за квартиру. Он не произносит ни слова, ждет, когда Сальваторе уgomонится, и слушает, как дождь стучит по мостовой. Дорожка была слишком твердая, думает он, снова проигрывая в памяти забег. Картинка получается пестрая: скаковой круг зеленый, лошади все гнедые, жокеи в разноцветных костюмах. Он выключает картинку как раз перед тем, как Придворный Шут сходит на пятом круге с дистанции.

Фрэнки сует руку в карман брюк, вытаскивает расписку от Лена Букмекера и бросает ее на стойку. Он выворачивает подкладку наружу, вываливает содержимое на ладонь и складывает кучкой около смятой квитанции. Из пыли и табачных крошек выкатывается полкроны.

Иди домой, приятель, говорит Сальваторе, услышав позвякивание одинокой монеты. Он возвращает деньги отцу и вытирает стойку краем фартука.

Дело было верное, Сал, говорит Фрэнки, убирая в карман полкроны.

Да верное, верное. Чао, Фрэнки.

Фрэнки пристально глядит на Сальваторе, разворачивается и медленно идет прочь из бара.

Фрэнки – *иль капелло!* кричит Сальваторе, показывая на шляпу на стойке. Фрэнки его не слушает. Он петляет между кабинками, но не к выходу, а к узкой двери с табличкой «Служебное помещение», за которой лестница в его старый дом, старую жизнь, – там теперь кабинет Джо Медоры. Он хочет лично убедиться, что Джо не желает его видеть. Сальваторе поглаживает мягкий фетр шляпы и взглядом следит по потолку за шагами Фрэнки.

* * *

Калитка в наш двор заперта, и, чтобы добраться до задней двери, надо перелезть через ограду и спрыгнуть вниз.

Те, кто в курсе, используют в качестве упора крышу сарая. Ставишь ногу на перекладину, хватаешься одной рукой за подбой крыши, потом другой и прыгаешь вниз. У Фрэн есть другой способ: она раздвигает доски забора на задах дома номер четыре и перекидывает ногу через низкую проволочную ограду между нашим задним двором и домом Рили. Фрэн видит дым, выползающий из-под двери кухни, и в изумлении замирает.

На улице суета и крики. Мальчики Джексоны по приказу матери прыгают с крыши нашего сарая. Они сталкивают Фрэн с дорожки. Мартино ныряет за ними, царапает ладони об обломанный край шифера и с грохотом приземляется на колени. Он отталкивает мальчиков и напирает плечом на горячую дверь кухни.

Мама с улицы слышит, как горит в огне ее дитя.

В кухне густая завеса дыма. От внезапного притока воздуха пожар разгорается еще пуще. Пламя вьется огненной рекой по полу; оно пожирает клеенку, стол, лижет одеяла в моей колыбели. Мальчики, зажав лица руками, судорожно мечутся, натываются на стулья и визжат, как чертенята, изгнанные из ада. Все горит, горит, горит – и тут огромная рука Мартино поднимает меня и вытаскивает на свет божий.

Когда приезжают пожарники, мы все уже в переулке, калитка во двор распахнута, и мальчики Джексоны чувствуют

себя героями дня. Они треплют друг друга по плечу, стряхивают с одежды пепел, бурно размахивают руками и рассказывают друзьям, каково было там, в огне, показывают на языки пламени, рвущиеся из окна. Мартино, обхватив руками колени, прерывисто дышит. Поглядывает из-под закрывающей поллица челки на маму. Она стоит под проливным дождем, устремив взгляд к небесам; на меня даже не смотрит. Просто держит меня, обгорелый комочек, будто я свалилась ей на руки с неба. Мама убеждена, что я мертва. Когда подходит санитар, она бросает меня в его красное одеяло, как охапку дров.

Позже, раздевая Фрэн в гостевой спальне Карлотты, мама находит у нее два окурка и пустой спичечный коробок. И ее душу заливает черная горечь.

трут

С моей правой рукой все нормально. Она пострадала мало, пальцы в полном порядке – в том смысле, что они на месте, шевелятся, сгибаются и могут показать что-то случайным незнакомцам, которые останавливают машину и, опустив стекло, спрашивают дорогу.

А вот левая... Те, кто меня не знает, изумленно пялятся, увидев ее. Отводят взгляд, а потом смотрят искоса на мое лицо – ищут следы и на нем. На лице тоже есть шрамы: их можно разглядеть, если приблизиться. Только немногим удастся

это сделать: моя вытянутая левая рука их останавливает.

Пальцы я потеряла. У месячного младенца ручка крохотная, но она – само совершенство. Умеет сжиматься в кулак, умеет растопыриться, а когда горит, ее нежная кожа вспыхивает мгновенно, как бензин, а кости – трут, легкая добыча пламени.

Мне она кажется произведением искусства: белым бутонном тюльпана под дождем, мраморной статуэткой святого, церковной свечой, чьи слезы стекают на подсвечник запыстая.

Я возвращаюсь в прошлое и пытаюсь воссоздать всю картину. Наверняка в этом был некий Промысел. Вот Лен-Букмекер и его Синдикат (скоро, очень скоро мой кулак станет подобием его). А вот мама под дождем, опустошенная и потерянная; за ней – Мартино, вцепившийся в Жестянку, как Валтасар в драгоценный сосуд. И я думаю об отце, который стоит в этот миг в какой-то комнате на другом конце города: он ничего не знает. Он забыл обо всем: отец всегда ставит больше, чем может заплатить.

три

В комнате над «Лунным светом» сидит за своим столом Джо Медора. Он занят и пропускает мимо ушей глухие удары шагов по ступенькам. Но Илья Поляк, стоящий у ок-

на за спиной Джо, вздрагивает и прислушивается. Фрэнки стучит в дверь, приоткрывает ее, просовывает в щель голову. Он собирается заговорить, но, увидев склоненную голову Джо, услышав поскрипывание пера, заметив дымок, выходящий кольцами от его сигары, отступает. Фрэнки смотрит на Илью и растерянно замирает в дверном проеме. Левая рука на латунной ручке, правая упирается в косяк, и та и другая вспотели. Он втайне надеется, что Сальваторе пошел за ним следом, но снизу лишь доносится приглушенная музыка, да рука Джо ползет по листу бумаги. Фрэнки оглушает его собственное дыхание.

Он отпускает ручку двери, и тишину пререзает скрип пружины. Фрэнки входит. Джо Медора подымает голову и снова утыкается в бумаги на столе. Хорошо хоть не велел Фрэнки убираться, не дал Илье Поляку знак выдворить его из кабинета. Фрэнки оценивает ситуацию и решает ждать.

Дождь стучит по стеклу. Ставень на ветру бьется о стену. Глухой удар – тишина – снова удар. Где-то далеко в городе низко подвывает пожарная машина. Если бы Фрэнки прислушался, он бы ее услышал, но Фрэнки смотрит во все глаза на свою старую берлогу, превратившуюся во владение Медоры.

Квадратного стола с зеленым сукном больше нет, так же как и виниловых стульев. Зато напротив двери появился мягкий диван, красный, с пуговицами, а рядом стеклянный столик, на котором веером разложены «Плейбой» и гряз-

но-розовая «Спортивная жизнь». Взгляд Фрэнки скользит по столу Джо в углу комнаты, падает на одинокий стул с высокой спинкой, стоящий у стены (на него можно было и присесть, если бы предложили, дать отдых отевающим ногам), и утыкается в портрет Персиммона в золоченой раме, прямо над головой Медоры. Фрэнки впивается глазами в Персиммона, а тот смотрит на него. В этой дуэли побеждает Персиммон.

* * *

Я присмотрю за детьми, миссис, а вы уж идите.

Элис Джексон все подталкивает маму к карете «Скорой помощи», но та упирается, боится того, что может там увидеть. Селеста перехватывает поудобнее Люку, сидящую у нее на бедре, ловит многозначительный взгляд Элис Джексон. Она смахивает капли дождя с головы Люки и вступает на пяточек, который толпа оставила вокруг мамы.

Мама, мы можем пойти ненадолго к Джексонам, говорит она, надеясь, что та ответит: нет, вы все пойдете со мной. Но мама ее не слышит. Она проходит мимо женщин, стоящих на углу улицы, и, увидев распахнутую дверцу «скорой помощи» и мужчину, склонившегося надо мной, останавливается. Пожарный тащит по мостовой шланг. Мама следит, как он размахивает перед собой свободной рукой, словно пловец, и кричит детям, чтобы расступились. Они возбужденно

подпрыгивают на месте, подхватывают тяжелый шланг, переступают туда-сюда. Другой пожарный поворачивает рукоятку, и шланг оживает. Дети с визгом бросаются врассыпную.

Наш дом представляет собой жалкое зрелище. Внутри все залито водой, воняет горелой пластмассой. От кухни остался лишь тлеющий остов. Мальчики Джексоны взялись за работу: наплевав на сердитые окрики пожарных, они обматывают влажными полотенцами лица и спасают все, что могут. Вытаскивают во двор обгоревшие скелеты стульев—их черные ножки ломаются, как спички, и стулья с сухим треском падают на бетонную дорожку. Потом мальчики ныряют в кухню за столом, потом за дымящимся рулоном ковра, который рассыпается прямо в руках. Наконец выволакивают во двор обожженный сундук.

Мартино залезает в него, приподнимает краешек одеяла, все еще розового и мяконького, но одеяло буквально на глазах превращается в прах. Подбородок у него черный от сажи, в горле першит. Он стискивает обрывок одеяла в кулаке, идет мимо женщин – к маме. Женщины, похлопав маму по плечу – будто, дотронувшись до нее, они отгоняют от себя несчастье, – расходятся по домам. Мартино провожает их взглядом, но тут кто-то тянет его за рукав, и он оборачивается. Рядом стоит высокая блондинка и, не обращая внимания на шум от детей, женщин, пожарных, полиции, о чем-то тихо его спрашивает. Мартино замечает, что у нее зеленые

глаза и необычная шуба из белого с темными пятнами меха. Ему поначалу даже кажется, что это пепел.

Что? – Он смотрит на нее пристально.

Я сказала, как ее зовут? – Она показывает на маму.

Мэри, отвечает Мартино.

Понятно. Так вот, Мэри, наверное, понадобятся какие-то вещи в больницу... Когда вы сможете туда пробраться...

Она оценивающе смотрит на дом.

А где ее муж? Надо ему сообщить.

Мартино опускает голову, ему стыдно за Фрэнки. Он видит золоченый ремень босоножки, обвивающий лодыжку, ногти на ногах – блестящие коралловые ракушки под тонким нейлоном, следит, как ступня женщины во время разговора чертит по земле узоры. Она стоит так близко, что он чувствует запах ее губной помады.

Вы – соседка? – спрашивает Мартино.

Ева Амиль, представляется она и добавляет, мотнув головой в сторону: Мы живем в четырнадцатом доме.

Она улыбается ему и ждет. Мартино тоже ждет, пытаясь вспомнить, о чем еще она его спрашивала.

Так вы сообщите мужу? – говорит Ева медленно, продолжая улыбаться. Вы знаете, где он может быть?

Я его найду, отвечает Мартино.

Ева забирает у Селесты Люку, пристраивает у себя на плече, отнимает у мамы Жестянку и передает ее Мартино. Свободной рукой она приобнимает маму за талию.

Ты Мэри, да? Пойдем, моя хорошая. И женщины лезут в «скорую помощь».

* * *

Сигара Джо тлеет в пепельнице. На конторской книге стоит нетронутый стакан с виски. Какое богатство, думает Фрэнки и, взглянув на выпивку, сглатывает слюну. Джо сосредоточенно пишет. Какую-то долю секунды Фрэнки, сам не понимая почему, злится. И вдруг он видит его—кольцо с рубином на мизинце Джо! Камень поблескивает в оправе. У Фрэнки начинает покалывать в подмышках. Он сжимает-разжимает кулаки. Кольцо отца на руке Джо! Смотреть на это нет сил, закрыть бы глаза!

Но фильм, прокручивающийся у него в голове, Фрэнки не смотреть не может. Он вспоминает, как они встретились. Была пятница, февраль 1947-го нет, 1948 года. Ему тогда едва исполнилось двадцать.

Так холодно Фрэнки не было никогда в жизни. Это не то что на корабле, когда шквальный ветер обжигает лицо, бьет по зубам и голову пронзает резкая боль. Тот холод правильный, жар работы и наступающий рассвет его растапливают. И дома все по-другому: зимы короткие и февраль не такой суровый. Фрэнки думает о Слиеме, об извилистой песчаной дороге к родной деревне, о грязновато-сером небе и мелком дождике, которого почти не замечаешь.

А этот холод – тягучая боль, обжигающая кожу, так и хочется согнуться в три погибели. Он преследовал его с самого начала, подкрался, как только «Каллисто» зашел в Тигровую бухту, вором-домушником проник в кости. И теперь он с ним, в полуподвале, в комнате, которую снял Фрэнки, покрыл стены заиндевевшей коростой, россыпью блестящих капель прилип к одежде. Первые два дня в Кардиффе Фрэнки провел буквально под землей. Снег на улицах приводит в ужас. Он в жизни ничего подобного не видал: ему кажется, что небо рухнуло. Фрэнки так и не смог набраться храбрости пройти по городу. Ноет грудь. Он сидит за столом у разрисованного морозом окна, курит, наливает кофе из кастрюльки, которую стащил с бабушкиной кухни, глядит на ноги прохожих, идущих по улице. Мужчины движутся целенаправленно, ветер приплющивает широкие штанины брюк к ногам. Куда больше Фрэнки интересуют женщины: каблочки скользят и подкашиваются, затем следует пронзительный визг. Фрэнки вытягивает шею, пытаясь разглядеть, что там такое случилось. Сквозь скелеты сорняков, торчащие там, где прежде была изгородь, он успевает увидеть только мелькающие щиколотки поспешно удаляющейся дамы.

Весь город кажется ему слишком быстрым. Во вторник он сошел с корабля, а сегодня, в пятницу, у него уже есть и дом, и новая жизнь. Никому нет никакого дела до того, кто он и откуда, чем занимается. Это должно бы радовать Фрэнки, который сменил неспешную сельскую жизнь на суровую

романтику моря, потому что ненавидел вечные причитания бабушки, перезвон медяков у нее в кармане, трижды, а то и четырежды в день отмечавший ее уход в церковь (то ли боялась, что пропустит чудо, то ли – что в ее отсутствие Истинная Вера покинет страну). В конце концов страну покинул Фрэнки. Последнее, что он видел, – младшую сестренку Кармель, истово махавшую ему с пристани рукой, а за ней – тающую в душном мареве Слиему.

Оказавшись в порту, Фрэнки знал, что делать: зарегистрироваться, найти жилье, а в плавание пока что не ходить. И несмотря на то что от ледяного воздуха пощипывало в носу, а ветер бил шрапнелью, он пребывал в состоянии радостного возбуждения. Он глазел на высоченные дома, на широченные улицы и разбегавшиеся в стороны переулки, запруженные народом, видел, как из распахнутой двери пекарни вырываются гигантские клубы пара, стоял, замороженно смотря на бесшумно скользящие сквозь снегопад машины. У дверей Дома Моряка он встал в очередь с другими матросами и тут же заметил знакомое лицо – грека-кочегара с его же корабля. Фрэнки вскинул в приветствии брови, но тот был занят беседой и смотрел поверх него. Он огляделся в поисках кого-нибудь еще из знакомых, прислушиваясь, не звучит ли где родная речь, но очередь по большей части молчала. Некоторые стояли, вцепившись в вещмешки и чемоданы, те, кто только вошел, дули на озябшие руки.

Подошла наконец его очередь. Фрэнки подробно расспросили, внимательно изучили его документы и велели подписать какую-то бумагу. Мужчина за столом ткнул, не поднимая головы, в одну из строчек.

Франческо Гаучи? Здесь распишитесь.

Фрэнки взял ручку и нацарапал крестик. Мужчина в первый раз за все время на него взглянул.

Посмотрим, совпадет ли, сказал он, снова развернув бумаги Фрэнка. Второй, помоложе, фыркнул из-за соседнего стола.

Все нормально, подпись подлинная. Вы мальтиец? Обрадовавшись, Фрэнки кивнул, так как разобрал последнюю фразу.

Значит, вам надо к Карло Кроссу. Он вас пристроит. Вы, часом, не родственники?

Еще один смешок из-за соседнего стола. Фрэнки шуточки не понял, но догадался, что смеются над ним.

В полиции отметить не забудьте, сказал мужчина. И, обнаружив, что Фрэнки забеспокоился, добавил, уже мягче:

Это для проформы, сынок. Ты ведь в Уэльсе впервые?

И Фрэнки снова кивнул, с грехом пополам сообразив, о чем его спрашивают.

Да, в Англии впервые.

Мужчина наконец ему улыбнулся.

Когда он направился к двери, ему преградил дорогу низенький толстячок, который быстро что-то залопотал. Фрэн-

ки узнал сицилианско-мальтийский напевный говор и жесты – усиленное кивание головой, чмоканье кончиков двух сложенных пальцев. У толстяка Карло Кросса нашлась для него комната. Если надо. Фрэнки было надо.

И Карло Кросс привел его сюда, дал подписать бумаги – еще один размашистый крест – на покупку мебели и съем комнаты. Он сунул Фрэнки здоровенный железный ключ от задней двери и на смеси английского с мальтийским рассказал о правилах.

Женщин не водить, *каписче*, приятель? *Лех тифла! Ис-амма – слушай!* По-английски понимаешь? Никаких женщин. Деньги только мне. *Каписче?*

Руки его взлетали в такт словам, а когда Фрэнки протянул ему пачку незнакомых банкнот, запорхали еще быстрее. Карло отсчитал несколько штук, вернул остальные и оставил Фрэнки наедине с самим собой.

Он ожидал совсем другого. Думал, это пансион, где живет полно других моряков, представлял, как будет ночи напролет пить, курить и играть в карты. А утром, непременно солнечным, он отправлялся бы со своими новыми друзьями – *хабиб* – искать бары, о которых столько слышал, выпивал бы кофе с булочкой. Кардифф он выбрал не случайно: говорили, что здесь большая мальтийская колония и каждый день прибывают все новые и новые люди. Ему объясняли, что деньги надо зарабатывать на море, а тратить их здесь.

Тигровая бухта – Валетта Британии!

сказал ему, смеясь, приятель с корабля, когда бросили якорь. И порт этот считался *теплым*.

От этих воспоминаний Фрэнки передергивает. Самая холодная за всю его жизнь зима. Он переминается с ноги на ногу. Илья вдруг ухмыляется: ему забавно смотреть на мающегося отца. Они оба знают: Джо Медора, если захочет, может заставить его простоять так весь день. Это битва, в которой Фрэнки победить не может; он должен сохранять спокойствие. И взгляд его снова устремляется в прошлое.

Фрэнки сидел под окном, утирал платком нос и разглядывал свой новый дом. В углу потолок резко шел вниз, и под этим скатом стояла кровать. В первую ночь он не мог спать из-за шагов на лестнице, которая находилась как раз у него над головой, и их грохот отдавал прямо в ухо.

Есть еще одна койка – засунутая в узкое пространство между входной дверью и задней. Но во входной двери широкая щель почтового ящика, и Фрэнки содрогается, глядя, как сквозняк гуляет по краям подушки: уж лучше он поживет в шумном углу. Со временем Фрэнки научится не обращать внимания на грохочущую поступь мужчин, ночь-за-полночь навещающих женщину, живущую над ним. Научится по утрам скатываться с кровати —потому что, если с нее просто встать, бьешься головой о потолок.

Фрэнки не удивляется второй кровати, считает, что одной из них отведена роль дивана. Он положил на нее свой фанерный чемодан, одежду повесил в колченогий шкаф, а начищенные до блеска ботинки поставил под кровать. Он считает, что является здесь единственным жильцом.

Вчера он вышел, дрожа от холода, на улицу, нашел на углу магазинчик, ткнул пальцем в мешок с углем и доволлок его, шатаясь и поскальзываясь, до двери. А потом носил уголь пригоршнями через кухню и ссыпал в очаг. Затем положил сверху газету и обломки оконной рамы, которые отыскал во дворе, зажег огонь и долго смотрел, как тот гаснет. Он начал все заново, на сей раз правильно, и через час уже сидел в тепле и наслаждался: Фрэнки держал руки над очагом, и сквозь них просвечивалось пламя, а он поджаривал то один бок, то другой. Комнату заволлок туман. На стенах выступили мелкие капельки; лед на внутренней стороне окна растаял и растекался лужицей по подоконнику, а потом хлынул на пол. Фрэнки сдался и приоткрыл окно, чтобы впустить немного воздуха. Теперь оно не закрывается.

Сегодня утром кто-то забарабанил во входную дверь. У Фрэнки здесь нет друзей, гостей он не ждал, а ключ ему дали только от черного хода. Пока он обходил переулком дом и добирался до входной двери, неизвестный ушел, оставив после себя лишь ровные цепочки следов – на крыльцо и обратно вниз. Фрэнки сравнил их со своими и понял, что тот, кто приходил, был невысок ростом.

Теперь он роется в чемодане, ищет, чем заткнуть щель почтового ящика, потому что через нее в комнату летит снег. Фрэнки находит кожаный мешок, где он хранит дорогие сердцу мелочи: розовый бессмертник, что вложила ему в руку Кармель, когда он сказал ей о своем отъезде; пару деревянных игральных костей и фотографию матери. Ее Фрэнки украл в ночь перед отъездом из бабушкиного алтарика в память о дочери – пришлось не дыша пробираться мимо бабушкиной постели. Он едва удержался, чтобы не взять и остальное: скромную черную мантилью, которую мать надевала в церковь, молитвенник в кожаном переплете, четки. И тогда же, в темном алькове, рядом с храпящей во сне бабушкой, решил, что с этой ерундой покончено раз и навсегда.

Он уже не в первый раз думает о своей Нань, о том, как она убивалась, когда узнала, что Фрэнки уехал. На корабле он не осмеливался даже взглянуть на эти вещи, боялся, как бы их не украли, поэтому сейчас Фрэнки поражен до глубины души: на дне мешка он видит аккуратно сложенное кружево. Прежде ничего такого не было – это носовой платок *Нань*. Фрэнки вытягивает его, и сквозь кружево пробивается сияние. Что-то со звоном падает на бетонный пол, катится к входной двери и мерцает на свету то золотом, то алым пламенем. Дверь распахивается. Невысокий мужчина приятной наружности наклоняется и поднимает кольцо, которое Фрэнки только что нашел, и чуть было не потерял. Он надевает его на вторую фалангу указательного пальца и протягивает

руку к Фрэнки. Тот глядит в глаза незнакомцу, тоже протягивает руку и тянет его за палец. Они так и стоят некоторое время.

Красивое кольцо, говорит наконец Джо Медора.

Моего папы, отвечает Фрэнки и вдруг чувствует себя как дома. Он осторожно снимает кольцо и надевает себе на левую руку. И улыбается новому другу.

Хабиб, думает Фрэнки, мой самый лучший друг. Что показательно: у Джо был ключ именно от парадной двери. Карло Кросс! Когда Фрэнки понял, что комната предназначалась не ему одному, он про себя прозвал его Карло Кровосос. Но в глубине души обрадовался. Джо станет ему приятелем, они отлично уживутся вместе.

Он что, заговорил вслух? Он открывает глаза, смотрит, моргая, на портрет Персиммона. Тот похож на любую другую лошадь – к примеру, на Придворного Шута. Он вспоминает, почему оказался здесь: почему его комната больше не его, почему кафе внизу не его, почему кольцо... и от всего этого Фрэнки передергивает. Да, присесть бы не помешало. Он может смотреть на Медору, но только не на кольцо у него на руке. Фрэнки глядит на лицо Медоры, разделенное светом лампы на две части – светлую и темную – так четко, что Фрэнки едва видна черная дырка от серьги в левом ухе Джо. Он подносит руку к собственному уху, щупает мочку и продолжает вспоминать непростые двенадцать лет их знакомства.

Смотри, какая милашка, а, Фрэнки?

Девушка делает вид, что не слышит Джо. Отойдя подальше, она оборачивается, смотрит на них и скрывается в одном из высоких домов, стоящих в ряд. Джо забирает у Фрэнки сигарету, делает затяжку, прищурившись одним глазом. Они сидят на ступенях и жмурятся на весеннем солнышке. Целый час они наблюдали, как двое мужчин играли у стены в кости. Теперь те ссорятся. Фрэнки достает из кармана деревянные кости и вопросительно смотрит на друга. Джо накрывает рукой руку Фрэнки и качает головой.

Нет-нет, приятель. Ты посмотри на этих—никчемные людишки!

Только он это произносит, как глухой звук заставляет их повернуть головы. Один из мужчин лежит на земле, потом приподнимается на локте, орет на второго и молотит в воздухе ногами. Его вопящий рот слишком уж красный: Фрэнки не понимает, слюна это или кровь. Джо закуривает новую сигарету, и они оба, пока не кончается драка, смотрят на противоположный конец улицы, где четверо мальчишек склонились над мертвой чайкой. Они тыкают ее палкой, пинают башмаками. Затем разбегаются и тут же снова с визгом и хохотом сбиваются в стайку, пока из окна верхнего этажа не высовывается женщина и не кричит им что-то на незнакомом языке. Джо встает и аккуратно отряхивает брюки.

Эта парочка отлично смотрится. Оба подтянутые, строй-

ные. Белоснежные рубашки, черные брюки с отутюженными манжетами, черные же пиджаки, идеально завязанные галстуки, надраенные до блеска ботинки. Они смуглы, молоды и светятся удачей. На одной руке у Фрэнка кольцо с рубином, а на другой – бледно-желтый перстень с печаткой. Джо – воображала и пижон. У него серьга с бриллиантом, такая же булавка для галстука, а улыбка мерцает золотом.

Фрэнки чуть ли не на голову выше Джо: поэтому на том новая шляпа с широкой лентой.

Настоящая федора, Фрэнки!

говорит Джо, аккуратно снимая с нее невидимую ниточку.

Ты только вслушайся – какая музыка. Федора, Федора...

Они назвали ее в мою честь!

Оба смеются, и Фрэнки вдруг чувствует, что ему ужасно хочется новую шляпу.

Они тихо-мирно уживаются вместе. Даже выработался распорядок дня: поздний завтрак в «Хейсе», затем прогулка на рынок, где Фрэнки закупает продукты. Он крутит в руках товар, принюхивается, морщится, пока наконец не теряет терпение продавец или не сдастся Фрэнки. А в это время Джо идет в паб напротив побеседовать с боссом. Чаще всего после этого они отправляются по какому-нибудь поручению: забрать долг, отвезти девушку в отель, доставить посылку. Иногда нужно просто сидеть на улице и наблюдать. За эту вроде бы плевую работу им очень прилично платят. Джо обе-

щает, что, когда Фрэнки получше освоит английский, он замолвит за него словечко. Может, Фрэнки даже получит постоянную работу. Легкие деньги, говорит Джо, потирая большой палец об указательный. Легкие деньги, попугайничает Фрэнки, повторяя и жест.

Вечерами Джо учит его всему, что знает сам, и его голос плывет, словно мечты, по их подвальчику.

Идем вразвалочку с приятелем вдвоем,
Идем вразвалочку и песенку поем,

и вскоре Фрэнки сам уже подхватывает:

Нас не берите, очень просим, на прицел.
Хромай отсюда, дорогуша, пока цел.

Фрэнки узнает много такого. Он глядит на огонек сигареты Джо, летающий в темноте вверх-вниз, и вспоминает свой последний урок – «Ты со мною, детка, или нет?».

Так ты со мною, детка, или нет? Давай, Фрэнки! – вопит Джо, и на лбу у него выступают капельки пота.

Пой, хабиб!

Джо скользит по комнате, гнет в руках Перл, будто она гуттаперчевая. Перл – новая подружка Джо. Фрэнки дымит-ся от зависти, сидя на кровати и глядя, как они танцуют. Ноги так и просятся в пляс. Они кружатся совсем рядом, Джо

запрокидывает Перл, и ее голова едва не касается коленей Фрэнки, а открытый рот с розовым язычком то и дело мелькает перед ним. Перл отлетает в угол и кричит, чтобы Джо перестал.

Джо, прекрати сейчас же! Прекрати, говорю!

Ее выговор напоминает Фрэнки скрип ржавых пружин. Она чересчур блондинистая, с тягучими сладковатыми духами и вся в блестящих бриллиантовых стекляшках. Впервые в подвальчике становится жарко. В глубоком вырезе кофточки Перл темнеет мягкая бороздка, которая невероятно волнует Фрэнки: он думает, наблюдая за их танцем, лишь о том, как бы ему хотелось засунуть туда язык и лизать, лизать, лизать.

Ни одна другая Фрэнки не интересуется. Джо знает женщин; он знакомит с ними друга – словно дарит их ему. Все они тощие блондинки и похожи на Перл, но есть в них что-то настораживающее: они смотрят на Фрэнки, как голодная собака на кость. Пока не появляется Мэри.

О Мэри Фрэнки думать не хочет. Он тянет нить воспоминаний дальше, к одному серенькому майскому утру.

На кровати Джо уже больше недели никто не спал, и в подвальчике не хватало пения. Когда Джо, помахивая огромным кожаным чемоданом, с шумом распахивает входную дверь, Фрэнки еще дремлет. Не говоря Фрэнки ни слова и даже не глядя на него, Джо начинает собирать свои пожитки. Фрэн-

ки лежит, подложив руку под голову, и следит, как тот берет фотографию Риты Хейворт в рамке, взвешивает на ладони и аккуратно возвращает на полку. Джо ныряет за занавеску, в кухню, и Фрэнки слышит, как позвякивают, когда их снимают с крючков, две фарфоровые чашки. Джо возвращается, заворачивает кружки в рубашку, снова исчезает, приносит сковородку и тарелку. Он сосредоточенно собирается. Фрэнки кажется, что это длится вечность.

Куда ты отправляешься? – спрашивает он наконец.

Мне надо отсюда съезжать, Фрэнк, говорит Джо, зарываясь с головой в шкаф. Он вытаскивает костюм вместе с вешалкой и укладывает его в чемодан.

Босс нашел мне место. И тут Джо вдруг воодушевляется, впервые смотрит на Фрэнки и торопливо бормочет:

...такая красотища, хабиб, на главной улице, над клубом Лучиано. Квартира с двумя спальнями. Полностью обставленная. С туалетом! Я буду управляющим клубом. Представляешь, Фрэнки, никакой квартплаты!

Рука Фрэнки шарит под кроватью. Он вытаскивает пачку дешевых сигарет, чиркает спичкой о ржавую спинку кровати. Спичка с шипением загорается. Он прикуривает.

Значит, две спальни? говорит Фрэнки, протягивая вторую сигарету Джо. Джо широко разводит руки, опускает плечи. Это могло бы стать началом ссоры.

Фрэнки... Фрэнки...

Фрэнки зажимает сигарету губами и, спустив босые ноги

на пол, садится. Он вытаскивает из-под кровати собственный запылившийся чемодан, швыряет его между ними, распахнув крышку, затягивается и предлагает Джо уже свою сигарету.

Фрэнки, это дело не про тебя, юлит Джо.

А я как же? говорит Фрэнки, осторожно пробираясь сквозь недосказанные слова.

Мне опять в море?

Джо с открытым чемоданом, Фрэнки с открытым чемоданом. Джо склоняет голову набок и усмехается. Фрэнки ухмыляется в ответ.

Хочешь со мной, шепчет Джо и шевелит, как ножницами, средним и указательным пальцами – давай, мол, сигарету.

Хочу, отвечает Фрэнки и передает сигарету другу.

Фрэнки сидит на стуле под окном. Джо накрывает плечо Фрэнки чистым носовым платком, берет со стола бутылку с остатками рома, встряхивает ее, вытаскивает зубами пробку. Зажимает горлышко большим пальцем, быстро-быстро одним запястьем крутит бутылку вверх-вниз, прижимает мокрый палец к мочке левого уха Фрэнки. На плечо Фрэнки и на пол капает ром, по комнате ползет его аромат. Джо отхлебывает из бутылки, передает Фрэнки.

Джо наклоняется к нему, на секунду Фрэнки перестает его видеть, и Джо прижимает пробку к задней стороне мочки. Фрэнки чувствует на затылке дыхание Джо. Свободной ру-

кой Джо вынимает из галстука булавку, облизывает кончик, вонзает в ухо Фрэнки и медленно вытаскивает. Булавка выходит из пробки со слабым скрипом. У Фрэнки холодеет шея – остается надеяться, что это только боль, а не кровь; Джо мнет пальцами его мочку и с размаху всаживает в пульсирующее отверстие серьгу с крохотным бриллиантом – точь-в-точь такую же, как и у него. Фрэнки сидит неподвижно, уставившись на зажатую между коленями бутылку с ромом и на бусинки рома, поблескивающие на бетоне пола. Ощущает жжение, но не шевелится. Чувствует, как влажнеют глаза.

Джо, скомкав платок, бросает его в огонь. Кладет руку на плечо Фрэнки.

Крови было совсем немного, хабиб. Дело сделано.

* * *

Целую неделю Фрэнки не может спать на левом боку. Причина не в новой кровати и не в том, что от джаза, который играют внизу, дрожит пол, и не в страстных криках Перл, доносящихся из спальни Джо. Ухо Фрэнки превратилось в липкое месиво. Несколько дней он беспрестанно его разглядывает, пока не понимает, что больше не может на него смотреть. Но рука то и дело щупает мочку, проверяя рану. Он стоит у входа в клуб Лючиано, приветствует гостей, а пальцы тянутся к уху – кажется, будто Фрэнки погружен в раздумья.

Перл замечает, что с ним, мажет ранку йодом, и ухо начинает заживать.

Фрэнки нравится, как теперь к нему относятся: те, кто знает его, с готовностью жмут руку. Наверное, это потому, что у него новый костюм и новая работа, думает он. Женщины, которых он прежде никогда не встречал, призывно поглядывают поверх бокалов в его сторону, а когда он стоит у бара, норовят просунуть руку ему под локоть, оставляют записочки у входа. И Джо, остановивший выбор на Перл, тоже смотрит на него иначе. Ты – мой должник, говорит его взгляд.

* * *

Ты *мой* должник, произносит про себя Фрэнки, ждущий, как мальчишка-посыльный, распоряжений.

Это были времена, когда он еще ничего не знал; это было до Мэри, когда ни у кого еще ничего не было, когда он, по глупости, мечтал, как они с Джо будут всем владеть вместе. Фрэнки решает уйти, он делает глубокий вдох и уже поворачивается к двери, но вдруг подскакивает от неожиданности – на столе Джо звонит телефон. Джо не обращает на треньканье внимания, он ставит внизу листа размашистую подпись, а телефон все звонит и звонит. Не спеша он складывает бумагу, засовывает в конверт, лижет краешек. Язык блестит от клея, который остается и на губах. А они под на-

стольной лампой кажутся совсем тонкими, словно бритва, и такие алые, будто два осколка рубина. Телефон умолкает.

Принеси стакан и иди,

говорит он Илье, протягивая через плечо конверт. Джо жестом разрешает Фрэнки сесть. Он наконец на него смотрит, но, прежде чем Фрэнки успеваает открыть рот, Джо выдвигает собственное предложение.

четыре

Врач поговорил с мамой час назад. Она сидит в больничном коридоре и крутит и крутит большими пальцами с потертыми жемчужинами ногтей, наставленными друг на друга. Она пролистала «С добрым утром!» и «Женский еженедельник», но взгляд только скользил по страницам – она ждет, что ее вызовут или, хуже того, врач вернется и молча положит ей руку на плечо. Она пристально изучала объявление на стене над столиком дежурной, совсем не понимая, что там написано.

Убедительно просим посетителей не курить

Дымят все: пол усеян окурками, напольная плитка в жирных черных разводах, повсюду кучки пепла. Люка заползает под мамин стул, елозит ручками по грязи, и за ней тянется

дорожка слюны.

Во вращающуюся дверь входит Ева, сдирая на ходу прозрачную обертку с новой пачки «Плеерс». Дает сигарету маме.

Мэри, я звонила в «Лунный свет». Никто не подходит.

Щелкает зажигалка, она склоняет голову, прикуривает. Протягивает пляшущий огонек маме.

Так он там работает? – спрашивает она, пуская дым. Твой муж?

Ева настолько ничего не понимает, что маме хочется плакать. Она смотрит на эту светловолосую женщину и не знает, с чего начать.

Миссис Джексон, как и обещала, присматривает за моими сестрами. Это значит, что она разрешает им побыть у нее во дворе. Ее муж – старьевщик, поэтому их сад – парк скульптур из покорёженного железа и гнилых досок с шестидюймовыми гвоздями. В зарослях сорняков стоят друг напротив друга два кресла с торчащими пружинами и ключьями конского волоса. В бывшей кроличьей клетке в углу сада обитает одинокий потрепанный голубь, который большую часть времени расхаживает взад-вперед по корке скопившейся в клетке грязи. Когда к нему подходит Селеста, птица судорожно хлопает крыльями, пытаясь взлететь, и бьется о крышу. Селеста упирается руками в проволочный корпус, заглядывает внутрь – смотрит в исполненный ужаса круглый глаз.

Селеста поднимает из грязи длинное серое перо и протягивает его Фрэн.

Роза с Мариной сидят лицом к лицу в креслах и играют в «Что я вижу».

Что я вижу, что я вижу, начинается на Т!

Марина оглядывает двор. Замечает в густой траве старый телевизор.

Телик?

Не-а.

Марина называет Тарелку, Туалет, Трубу. Роза при каждом неверном ответе пинает ногой кресло, из которого вздымаются клубы пыли. Марина не видит больше ничего, что бы начиналось на Т.

Сдаюсь, говорит она.

Тухлятина! – кричит Роза и тычет пальцем на склизкую кучку совсем рядом с Мариной ногой. И снова:

Тухлятина! Тухлятина!

показывая Марине на гниющие в траве то ли огрызки, то ли объедки. Девочки с отвращением хихикают и начинают играть в акул, перепрыгивая, не касаясь земли, с поверхности на поверхность. А затем Роза изображает старшину и орет что есть мочи:

Рядовой Гаучи! А ну, пры-гать! Слушай мою команду! Ты у меня кровью харкать будешь! Равняйся! – И Марина послушно выполняет команду, стоит, покачиваясь на дребезжащих пружинах.

Фрэн в эту игру не играет: ее вечно отдают под трибунал. Ее манят к себе деревянные поддоны, прислоненные к стене сарая. Она заползает за них, съеживается в крохотном треугольнике между мокрым кирпичом и деревом. На каждой доске висят дождевые капли, стена за спиной покрыта слизью; откуда-то с земли на Фрэн смотрят два желтых глаза. Она встречала этого пса раньше, на улице. Она сует сжатую в кулак руку ему под нос, как учила мама, и через несколько секунд он лениво ее лижет. Пес дрожит, от него пахнет сырой землей. Фрэн садится с ним рядом, укладывает его голову себе на колени, пес, прижимаясь к ее теплому телу, тихонько рычит.

Фрэн проводит рукой по спутанной шерсти. Если бы он был ее собакой, она бы его вычесывала как следует. Она наклоняется к самой морде. И мыла бы. Фрэн смотрит в щель на сестер: еще минута – и они обязательно на нее набросятся. Это ты во всем виновата – такие слова она слышит чаще всего, а ведь это сушая неправда. Фрэн сует перо, которое дала ей Селеста, в рот, делает вид, будто курит, втягивает воздух, выдыхает. Потом водит пером по розовой пасти пса, но он трясет головой, опять рычит и снова укладывается ей на колени. Фрэн отворачивает его обвислое ухо и шепчет в него:

Горит Лондон! Горит Лондон! Горит Лондон... Горит Лондон...

Селеста стоит на ступенях и зябнет под дождем. Роза с Мариной затеяли новую игру: они скачут на мокрых креслах и ныряют в сорняки.

Раз-два! Сбросить бомбы!

Ноги у них в грязи и траве. Селеста пытается сообразить, что они будут есть на ужин, где будут спать. В доме, в столовой, толкутся дети Джексонов: взрослые мальчишки развалились на диванах, они смотрят оценивающе и с подозрением; девчонки тяжеловесные и неуклюжие, с жидкими волосенками; чумазая малышня ревет. Детей бесконечное количество – Селесте не сосчитать, – но и нас не меньше.

Чтоб тебя, Донни! Заноси давай!

Калитка распахивается: с работы вернулся мистер Джексон. Пятясь спиной, он затаскивает здоровенный кусок железа, бывший некогда чьей-то каминной решеткой; ему помогает напарник Донни. Марина с Розой прыгают вдвоем на одном кресле и молча наблюдают, как мужчины, пыхтя и ругаясь, волокут железяку по двору.

Черт, Дон! Уй, нога! Повыше держи! Эй, гляди уронишь!

Каминная решетка с лязгом валится на дорожку, мужчины стоят, уставившись на нее. Дело сделано, и Артур Джексон утирает ладонью лоб. По лицу ползут ржавые ручейки.

Он обращает свои голубые глаза на Селесту.

Привет! Ты из дома напротив?

Селеста пытается ему улыбнуться, но не получается: теперь у него голос ласковый, чего Селеста никак не ожидала. К глазам подступают слезы.

Зашли чайку попить? – говорит он и, поднимаясь на крыльцо, легонько треплет ее по плечу. Он проходит в дом, Донни за ним. Оба вытирают ноги о коврик у двери, Артур топчется, как жеребец в стойле, а Донни держится руками за косяк, словно перед ним разверзлась бездна. Но башмаки его чище не становятся. Селеста слышит у себя за спиной голос Артура Джексона, гулко разносящийся по пустому холлу.

Элис, у нас гости?

Из столовой выходит Элис. Следует череда шепотков и жестов. Донни ковыляет на кухню, крутит крысиным личиком, поглядывая то на Селесту, то на Элис, которая продолжает рассказывать. Селесте становится не по себе. Она так и стоит к ним всем спиной, но до нее доносится нудный голос Элис, и слова впиваются в позвоночник.

С каким-то типом... *бросила* ребенка... *сам он* бог знает где... Селеста вдруг вспоминает про Карлотту и Сальваторе. Зовет сестер и велит им взять пальтишки.

* * *

Они обернули мою руку бинтами – почти до подмышки,

еще одна марлевая паутина обволакивает мое лицо. Под этой пеленой мне хорошо – тепло и сонно. Жалко, у мамы ничего такого нет: она такая твердая, острая, сидит, вся на виду, на пластиковом стуле. Она держит меня за руку – за ту, которую впредь будут называть «хорошей рукой», будто другая совершила что-то отвратительное и ее за это наказали, – и пытается слушать доктора. Волос я тоже потеряла немало, но, поскольку их и так было не очень-то, это пока никого не волнует. Говорят, у новорожденного первые волосы все равно выпадают через месяц-два. То, что осталось от моих, тоже выпадет, это уж точно.

Мама окидывает взглядом палату: здесь одни детишки, но до всех прочих ей дела нет, в том числе и до Люки, которая играет в коридоре с золотым медальоном Евы. Ева пока что равнодушна к малышам (и уж точно не представляет, какими они бывают сильными: вскоре она обнаружит на шее багровую полосу, которая появится после того, как Люке наконец удастся сорвать цепочку и засунуть медальон в рот).

Мамины глаза – как две звезды на зимнем небе: она словно глядит в будущее. Она смотрит прямо в душу сидящего на краешке моей кровати доктора и решает ему довериться. Он говорит про третью степень, про пересадку кожи, про пластическую операцию.

Прогноз благоприятный, сообщает он маме. На нем белый халат, на груди стетоскоп, волосы аккуратно зачесаны на левый пробор. Чем-то напоминает парня, которого она ко-

гда-то знала. Доктор покрывает своими чудесными длинными пальцами стиснутые кулачки мамы.

Просто поразительно, что теперь научились делать. Новые протезы – это чудо, ласково говорит он. Мама кивает – будто понимает, о чем он. Она безумно устала. Я не умру, а остальное ее сейчас не волнует.

Однако нельзя забывать о шоке, продолжает он.

Да со мной все в порядке, отвечает она.

Он имеет в виду мое шоковое состояние, но потом долго на нее смотрит и понимает, что я не единственная причина ее беспокойства.

Вы здесь сейчас мало чем поможете, произносит он. Вам есть у кого переночевать?

У меня еще пятеро детей, говорит мама.

Он смотрит ей в лицо. Выглядит не так уж старо, думает он; ей же едва за тридцать.

Они у соседей, начинает было она, но тут медсестра отодвигает занавеску, за которой стоит женщина в плаще. Новая мамина пронизательность, совсем как рентген, уже предупредила ее, что такой человек появится. Из-за плеча женщины выглядывает Ева, одними губами шепчущая что-то невнятное. Мама бросает на нее взгляд, и Ева тут же подхватывает Люку, выносит из палаты, идет с ней по коридору к вращающимся дверям.

Вы, как я полагаю, социальный работник, говорит мама, одаривая ее ледяной улыбкой. Женщина достает из сумки

блокнот.

Они с соседкой. Джексон, кажется... или Джонсон. Мы там живем всего месяц. Представления не имею, дорогуша. Он сейчас выбивает пособие. Моряк на торговом судне. Нет, имя не испанское. Гаучи. Не через «о», а через «а». Да не оставляла я ее! Ну, валяйте, записывайте. Я же вам сказала! Вы что, глухая? Мои дети в полной безопасности. Огромное вам СПАСИБО. Они у соседки.

Но они не у соседки.

Селеста сказала миссис Джексон – взрослым голосом, как она умеет, – что они пойдут на ужин к тете Карлотте.

Да вы не стесняйтесь, говорит Артур Джексон. Еды у нас достаточно, правда, радость моя? Он оборачивается к жене, которая деловито чистит над мойкой картошку. Кожура плюхается в воду.

Это всего лишь жареная картошка, предупреждает Элис Джексон, махнув ножом в сторону Селесты. Вы едите картошку?

Селеста берет Фрэн за руку и ведет к двери.

Обычно нет, миссис Джексон. Спасибо вам большое за гостеприимство. Передайте маме, что мы у Карлотты, хорошо?

Мистер Джексон боится, что забудет имя. Он вынимает из кармана рубашки конверт, похлопывает себя по другим карманам в поисках ручки.

Запиши нам адрес, деточка, говорит он.

Не беспокойтесь, мама знает, где это, кричит с крыльца Селеста.

Мистер Джексон стоит посредине кухни. Он все-таки на-шел ручку, которую для надежности заложил за ухо. Облизнув губы, он склоняется над конвертом. Карла? Шарлотта? Селина? – проносятся в голове имена.

Как ее зовут, Элис?

Селеста, твердо отвечает она.

Ах, да. Селестия.

Мистер Джексон большими буквами записывает имя.

Сел, ну мы же едим картошку! Едим! – твердит Марина.

Заткнись, шипит Селеста и крепче сжимает руку Фрэн.

Я тоже хочу картошки! – верещит Роза.

Все заткнитесь! – рычит Селеста, их нытье мешает ей сосредото-читься. Она пытается вспомнить, где живут Сальва-торе и Карлотта. Надо представить себе, где это. За углом от церкви.

Она ведет сестер (но не пса, который трусит за ними, пока Роза не швыряет в него камнем) через двор Джексонов, на улицу. Они не могут удержаться и переходят дорогу, чтобы взглянуть на свой дом. Селеста заглядывает в щель почтового ящика: столовая выглядит как обычно. Она прижимается лицом к двери, приподнимает пальцем железную крышку, в глаз дует ветер. За столовой все темно; дверь на кухню будто

выкрасили черной краской. В нос ударяет запах сырости и гари – как в Ночь Гая Фокса ².

На заднем дворе покачивается на ветру сорванная с петель калитка, кто-то прислонил ее к ограде. Девочки одна за другой проходят во двор и изумленно смотрят на устроенную во дворе свалку.

Это все ты виновата, говорит Роза, ткнув пальцем в сторону Фрэн.

Ну заткнитесь же, стонет Селеста так тихо, что они от удивления замолкают. Стулья, стол, ковер, сундук – все это так и валяется под дождем. Вход на кухню заколотили доской, а дверь брошена на траву в самом конце сада. На окне висят опаленные занавески; по стеклу ползет кривая трещина. Селеста заглядывает в сарай: на пороге гряда горшков и мисок, а на сиденье унитаза кто-то – может, один из мальчиков Джексонов – положил аккуратной стопкой мамины кулинарные книги. Селеста протягивает руку, берет ту, которая сверху – «Духовка „Новый мир“ – чудеса на вашей кухне», и переплет тут же отрывается. Она смотрит на картинку с улыбающейся женщиной в кружевном фартуке и на каблук и думает, как странно, что все здесь такое горелое и одновременно мокрое.

Слышен скрип – это качаются на ветру почерневшие стулья. На выложенной плиткой дорожке лужа, в которой пла-

² Вечером 5 ноября, в память о раскрытии «порохового заговора», пускают фейерверки и сжигают чучело Гая Фокса. (Здесь и далее прим, пер.)

вают островки угольков. Девочки в плащах, подвязанных поясками, стоят и смотрят на нее.

Ну все, устало говорит Селеста, уходим.

* * *

Фрэнки не верит своим ушам. Это просто невероятно. Услышав такую глупость, он смеется. Смех его отзывается зловещим эхом в коридоре, и ему хочется расхохотаться снова, что он и делает, на сей раз уже нарочно: звук получается высоким и гулким. Фрэнки видит, как поднимается по лестнице Илья, сжимая в руке стакан, за которым его послали, и отец едва сдерживает накотившее желание выбросить вперед ногу и стукнуть его со всей силы в живот. С каким бы удовольствием он поглядел, как тот летит вниз, желательно – в рапиде. На площадке Илья останавливается, что-то говорит проходящему мимо него Фрэнки, но так тихо, что Фрэнки не разбирает слов.

Ты чего? – переспрашивает он, обернувшись к Илье. Илья протягивает ему пустой стакан, Фрэнки берет его двумя пальцами за край, тянет на себя.

Говорю, лети домой, жучок, повторяет Илья и смеется, щелкает в воздухе пальцами, отпустив наконец стакан.

Фрэнки стискивает стакан, он уже дозрел окончательно, но Илья отворачивается и взбегает по последнему пролету вверх. Ушел, и ладно, Фрэнки много о чем надо поразмыс-

лить. Он распахивает дверь в бар. Отец не ответил на предложение Джо ни да, ни нет: прежде чем принять решение, надо все с кем-нибудь обсудить.

В кафе полутьма, и за стойкой стоит не Сальваторе, но Фрэнки знает этого человека: Мартино наливает себе щедрую порцию бренди. Фрэнки смотрит на него, потом замечает на стойке Жестянку и снова смотрит на Мартино. Тот приподнимает бутылку, кивает на стакан в руке Фрэнки.

Тебе не помешает, говорит он.

Из кухни выходит Сальваторе. Он сует на ходу руку в рукав пиджака, для толстяка он движется слишком быстро.

Фрэнки! Илья тебе сказал? – кричит он, выбегая из-за стойки. *Иичендио!* Твой дом!

Мартино залпом опорожняет рюмку, ловит на себе горящий взгляд Фрэнки, поднимает руки.

Это не я, друг. Я бы никогда... Никогда...

Фрэнки кажется, что стены вокруг него сжимаются. И впервые за день *хочет* подумать о маме. Хочет знать, где она. Он смотрит на Мартино.

Мэри?

Она в больнице. С ней все в порядке, Фрэнки! – окликает Мартино отца. Но не находит слов, чтобы рассказать обо мне.

Фрэнки выбегает из кафе, на улицу, под дождь. На стойке бара остается лежать его шляпа. Сальваторе хватает ее и бежит следом за Фрэнки в больницу.

Джо Медора поглаживает конторскую книгу, на ощупь она приятная, чуточку шершавая. Как мирно воспринял Фрэнки его предложение! Ни один мускул на лице не дрогнул – жаль, что в покере он не так хорош, думает Джо. Он дал Фрэнки денек-другой на размышление – дело-то ведь тонкое.

Желание Джо простое: ему нужна Марина. В конце концов, размышляет он, Марина ведь моя дочь. Думать-то думает, но до конца не уверен. Нет, уверен: он видел ее, в ней его кровь. Он сидит, уставившись на бумаги, мысленно представляет себе Мэри и не обращает внимания на тихо вошедшего в комнату Илью. Однако короткого презрительного смешка Ильи пропустить мимо ушей не может.

Ты не поверишь, говорит Илья, лицо которого сияет, до чего же не везет Фрэнки!

Джо поднимает голову.

Что еще?

Илья чмокает кончиками пальцев, дует вслед взлетевшему в воздух поцелую.

Пожар, босс. Случился пожар. Его дом сгорел.

Мой дом, говорит Джо. Это *мой* дом.

Артуру Джексону стыдно, что он в нижней рубаше. Он стоит, забыв о приличиях, в дверях и смотрит на маму. В тусклом свете уличного фонаря она выглядит очаровательно – с кудряшками вокруг лица и огромными карими глазами, которые от волнения кажутся еще больше. Он вспоминает, как положено себя вести.

Простите, миссис, проходите же, на улице дождь. Еще раз простите! А, миссис Амиль! – говорит он, заметив Еву, которая держит на руках спящую Люку. Вы тоже проходите.

Я не желаю видеть эту женщину в своем доме, раздается голос из столовой.

Мама, не понимая, что она сделала не так, поднимает глаза на мистера Джексона. В разговор тут же вступает Ева.

Все в порядке, радость моя, это она обо мне, говорит Ева со злобным смешком.

Она наклоняется к маме и говорит, подражая голосу миссис Джексон: *Эта женщина! Никакого понятия о том, как ведут себя приличные люди!* Мама глядит на нее с удивлением: разве Джексоны сами в этом что-нибудь смыслят. Ева угадывает ее мысли.

Я тебе все сама расскажу, Мэри, говорит она. Если меня кто не упредит. И склоняет голову к Люке.

Может, я пока отнесу малышку к себе? В четырнадцатый,

хорошо?

Мама глядит вслед удаляющейся Еве.

Артур Джексон скалит зубы: вроде нужно вежливо улыбаться, но ему не по себе оттого, что она стоит и смотрит прямо ему в глаза, и Артур Джексон не может с собой справиться.

Я пришла за своими детьми, коротко говорит Мэри, словно напоминая: заберу их, и мы не будем вам мешать.

Он быстро кивает, вытаскивает из кармана брюк конверт.

Они вот туда пошли, видите? Ваша дочь просила вам передать.

Мэри читает записанное им имя.

Селеста? Селеста? Она трясет головой, пытаясь разобрать прыгающие перед глазами буквы.

Ага, миссис... Мэри, точно. Они туда пошли. Мэри кривится.

Селеста – это моя *дочь*, говорит она. И, вдруг вспомнив про социального работника, начинает паниковать. Кто их забрал?

Да нет же, Мэри, они туда сами пошли.

Мистер Джексон тычет пальцем в свои каракули. Мэри вырывает у него из рук конверт, прижимает ко рту. Она думает. Перебирает места, где они могут быть. Селеста могла отвести их в «Лунный свет». Или забрала на улицу погулять. Мэри оборачивается к двери. На улице совсем стемнело. Что еще могла сделать Селеста? Артур смотрит на нее, видит, что

она усталилась в темноту. Сам не зная почему, он чувствует себя виноватым.

Дверь все еще нараспашку? – следует очередной крик из столовой.

Здесь жуткий сквозняк!

Мэри прижимает конверт к груди; она пытается унять сердцебиение. Мистер Джексон замечает этот жест, видит, как рука скользнула от губ к груди, и это его трогает. В коридоре появляется Элис Джексон. Мэри замечает, что она в шлепанцах – голубых с помпонами.

Они пошли к своей тете, говорит Элис и, заметив озадаченный взгляд Мэри, поворачивается к мужу.

Как она ее называла, Артур?

Он пожимает плечами. Он боится повторить вслух то, что запомнил. Элис склоняет голову набок, тербит нос. Задумывается.

Карлотта, говорит она твердо. Так ваша девочка сказала. Пошли к тете Карлотте ужинать. Нашего есть не пожелали!

И она удаляется в столовую. Артур Джексон провожает ее взглядом, наклоняется к маме.

Это далеко, Мэри? Давайте я с вами схожу.

Нет, спасибо, отвечает мама. На автобусе доеду.

* * *

Селеста перевела Розу, Марину и Фрэн через Площадь.

Если не найду дом сразу, решила она, пойдём в больницу. Спрошу у кого-нибудь дорогу. Или заглянем в «Лунный свет»; Сальваторе наверняка там.

Так что поначалу Селеста не очень волнуется, но когда они оказываются у «Парада», она приходит в замешательство. Они стоят на углу и ждут, пока Марина сбегает к жилым домам, посмотрит, как называется улица.

Что там написано? – кричит Селеста.

Погоди, Сел... Южная... Церковная... улица.

Они идут дальше, но на следующем перекрестке – Северная Церковная улица, а потом Греческая Церковная. Все три пересекает Западная Церковная. Это похоже на дурной сон. Селеста негодует: оказывается, здесь не одна церковь, а она-то взяла за ориентир свою.

Она решает пойти в «Лунный свет». И только они поворачивают за угол, как глаза ослепляют фары мчащейся на них машины. Селеста толкает сестер к ближайшему подъезду. На улице темно, льет дождь, а сидящий за рулем Джо Медора занят своими мыслями и не замечает четырех маленьких девочек, жмущихся к стене.

* * *

Ева накормила Люку хлебом, напоила какао и завернула в одну из свекровиных шалей. Теперь Люка спит посреди дивана, зажата между Евиным мужем Юсуфом и его матерью

Наймоу. Найма ничего не говорит, но ей нравится, что в доме ребенок: она пристально следит за Евой, пытается понять, есть ли у Евы материнский инстинкт, а когда Люка шевелится во сне, ласково над ней курлычет. Рот у Люки открыт, ноги раскинуты в стороны, палец одной руки торчит вверх, в другой она крепко сжимает цепочку, что сорвала с Евиной шеи. Похоже, она чувствует себя как дома.

Ой-ей-ей, шепчет Ева. Какая лапуля.

Юсуф протягивает руку и дотрагивается до ступни Люки.

Очень красивая девочка, миссис, ухмыляется он маме, появившейся в дверях.

Не стоит ее тревожить, Мэри, поспешно говорит Ева. Можешь оставить ее на ночь – она нам не помешает!

Спасибо, радость моя, отвечает мама, но я ее заберу. Она со стоном взваливает Люку на руки. Цепочка падает из Люкиного кулачка на пол.

Ой, извини, говорит мама, когда Ева наклоняется ее поправить. Мама вздыхает, укрывает полый жилета Люку.

Я сначала, пожалуй, схожу посмотрю на дом. Нет смысла приводить туда детей, если там... нельзя жить. Ева делает Юсуфу большие глаза и берет Мэри под руку.

Вдвоем ходим, ладно? Посмотрим, что за кавардак они там устроили.

В столовую проникает оранжевый свет уличного фонаря. Ева видит в полумраке фигуру Мэри, которая понапрасну щелкает выключателем.

Электричество отключили!

Оно у нас на счетчике, говорит мама. Это в кухне, под лестницей. Только у меня нет монеток.

И начинает плакать. Ева берет Мэри за руку и выводит на улицу.

Иди, найди детей, говорит она ей. Мы все сделаем. Возвращайся утром.

Ева вынимает из кошелька десятишиллинговую банкноту, сует маме в ладонь.

Это на автобус, радость моя. И купи себе чего-нибудь поесть по дороге. На тебе лица нет!

Когда наконец приходит автобус, Ева помогает Мэри сесть. Она наклоняется, берет Люкин кулачок и целует его.

Какая лапуля! кричит она, спустившись на тротуар.

Ева поплотнее запахивает шубку. И, пока автобус не уехал, смотрит на мамино лицо в окне.

ПЯТЬ

Второй раз в моей жизни отец стоит надо мной, стиснув кулаки. Этот раз не последний, но для отца воспоминания о походах в больницу самые тяжелые. Он плачет.

Бамбина, причитает он. Бамбина... Бамбина... Бамбина...

На самом деле он никак не может вспомнить моего имени. Забыл. Мысли о Джо Медоре, о том, что сказать Мэри, что делать дальше, – все это утонуло в гимнах, которые он поет в мою честь. Сальваторе сидит рядом с моей кроваткой, то и дело проводит ладонью по влажным волосам. Он слышит тихий плач ребенка где-то в углу палаты, слышит, когда наклоняется, чтобы найти носовой платок, свой судорожный вздох. Сложенный носовой платок оказывается в кармане брюк, он дает его отцу, тот прикрывает им глаза, чтобы не видеть меня, – разворачивает и водит им ото лба к подбородку, словно утирает с лица пот. До меня отец пока что даже не дотронулся.

Медсестра приносит две чашки чая; тишину нарушает звяканье фарфора. Отец пялится в чашку – он рад, что есть куда смотреть, дует на чай, пока не подымается пена, продолжает дуть, и пена тает, как грязный снег весной.

Медсестра стоит рядом, зажатая между этими двумя мужчинами в костюмах, и вертит в руках мою карту. Украдкой смотрит на часы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.